

Алексей Бардо

Архитектор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63676227

SelfPub; 2021

Аннотация

В стране установился фашистский режим. Государственная корпорация "Новая Эра" разработала уникальную технологию виртуальной реальности "Отражение", за пределами которой обнаружена параллельная вселенная, наполненная смертоносными существами "Странниками". Правительство намерено использовать их как совершенное оружие для достижения мирового господства. Режиму противостоит подпольная организация, получившая послание из далёкого будущего: некий "Архитектор" предрекает гибель человечества, как только первый "Странник" будет выведен из "Отражения". В сопротивление втянут Дмитрий Горин. Ему открывается тайна: людям противостоит нечто большее, чем можно представить.

Алексей Бардо

Архитектор

Пролог

Человек стоит на краю обрыва. Под ним взбешённый ветрами океан бросает волну за волной на неприступную стену отвесной скалы. Он пришёл в тот ранний час, когда марево на горизонте едва схватывается огнём рассвета. Он смотрит вдаль. В его глазах – отчаяние. Так смотрят на палачей безвинно приговорённые к смерти, ждущие, что волей богов их казнь будет отменена в тот момент, когда петля уже брошена на шею. Но небо над ним безмолвно.

Он – последний человек. И человек этот – есть я.

Тысячи, может, десятки тысяч лет прошло – не помню. Годы не имеют для меня значения. Когда ты совершенен и завершён, ничто больше не имеет значения.

Любой взмах крыла чайки был мной когда-то виден. Капли дождя, шелест трав, закат и рассвет были знакомы. Со мной произошло всё, что только могло произойти. Нет на земле ничего, что удивит меня. Если бы вы могли проследить мою жизнь, то увидели бы, что дни напролёт я лежу в покое или сижу в кресле, погружившись в размышления, или стою здесь, на скале, внимая запахам, что приносят с собой ветра. Бывало, я по несколько лет не сдвигался с места. Потому что не оставалось больше дорог, по каким я не ступал.

Все знания о жизни и смерти Вселенных я, не задумываясь, променял бы, чтобы говорить с подобным себе. Но века проходили в молчании. Когда же слова начинали разрывать горло, я выкрикивал их океану до тех пор, пока кровь не выступала на губах. И слышал в ответ только далёкий гул штормовых волн. Иногда я шептал их как молитвы, пока мчались по небу золотые и серебряные колесницы дней и ночей. И только ветер уносил слова в пустую даль.

«Так было, так будет, пока не обрушатся звёзды», – сказал я. Это были последние мои слова. Тогда же я возжелал небытия. Но день за днём, год за годом, век за веком откладывал смерть. Оставалось ещё то, что меня держало. Но когда я тщетно испытал всю бездну вариантов, когда оборвалась последняя нить надежды, настал мой последний день.

И вот вы видите меня на краю. Не успеете произнести и слова, как я сделаю шаг. Волны примут мой дар.

Запомните: имя моё – Никомах.

Модель № 217

Выйдя из машины, Дмитрий Горин поднял ворот пальто, спасаясь от ледяного мартовского ветра, быстрыми шагами поднялся по лестнице к двери психиатрической больницы. Над входом клиники трепетали синие полотнища флагов с четырьмя жёлтыми полосами, исходящими из свастики. На фоне ясного неба с его холодным солнцем, они придавали обветшалому зданию вид строгой торжественности, как у ве-

терана на параде. Впрочем, так преобразился весь Город – готовились к празднику. День нации пришёлся на выходные, но федеральный инспектор, кем стал Горин меньше месяца назад, не думал об отдыхе. На него взвалили расследование покушения на замглавы Госсовета – третьего человека в стране. Поэтому почти сутки он рыл землю, как бешеный пёс. Ставки оказались высокими: дело взял на контроль «первый», так что в лагерь отправится преступник или Горин. Он верил в успех, верил в десятилетний опыт легавым. На пользу и полностью «развязанные руки», в конце концов, федеральный инспектор – почти неограниченная власть. Не знал только Горин, насколько сильно ошибался.

В просторном зале первого этажа горела половина ламп – сэкономили, – ввязавшись в войну на Ближнем Востоке, Федерация резала бюджеты. Сквозь запылённые стёкла скудно пробивался утренний свет, отчего безлюдное помещение, отделанное вдобавок искусственным мрамором, выглядело мрачно. Угрюмыми масками казались даже лица улыбающихся детей на цветном плакате с надписью *«Недостаточно быть хорошим, нужно быть лучшим!»*, занимавшем всю стену. От гулких шагов Горина подскочил дремавший за стойкой охранник, лысеющий и обрюзгший человек. Он вытянулся, приставил правый кулак к груди в знак приветствия. Горин не ходил в форме, но теперь его знали даже такие мелкие сошки.

– Сергей Петрович ожидает вас, господин инспектор, –

отрапортовал тот.

Дмитрий по укоренившейся привычке посмотрел ему в глаза. В них читался страх. Когда-то наставник говорил: *«Тебя должны любить или бояться»*. Инспектор предпочитал кнут прянику.

– Почему вы позволяете себе спать на службе? – не скрывая раздражения и брезгливости, почти выкрикнул он.

Побелевший охранник промямлил:

– Дети... поздно легли... болеют.

Он не отрывал взгляда от Горина, словно загипнотизированный. Его дрожавшие руки шарили по столу в поисках кнопки, открывающей магнитный замок. Лязгнул металл, Бронированная стеклянная дверь распахнулась. Охранник выдохнул, как смертник, которому в последнюю минуту отменили приговор. Его рот сам собой открывался, лепетал оправдания. Дмитрий уже не слушал.

Для человека нет ничего хуже оправданий, думал он, впечатывая шаги в пол длинного коридора. Лучше прожить один день львом, чем столетие – овцой. Досадное большинство ноет, просит, старается делать как можно меньше, получая наравне с теми, кто рвёт жилы. Не люди, а скот, одним словом.

Горину было без двух месяцев сорок лет, но ему редко давали больше тридцати пяти. Его приталенное пальто выдавало атлетическую фигуру. Тёмные волосы с лёгкой проседью были всегда аккуратно и коротко стрижены, на лице – ни

следа щетины. Имея невысокий рост, он держался с военной выправкой, горделиво приподняв голову и расправив плечи. Упругая походка, уверенный взгляд, манеры выражали силу и власть аристократа.

Впереди перед лестницей с широкими перилами показался человек в белом халате.

– Дмитрий Андреевич! – он приветливо махнул рукой, – прости, сам не смог встретить. Министерство теребит постоянно.

Это был главврач Арбенин, худой высокий поседевший человек с измождённым лицом.

– Понимаю, ответил Горин, – пожимая протянутую руку, – сейчас всем непросто. Но вам лучше отдохнуть. Съездите в праздники на рыбалку.

– Сейчас не до этого, Дима.

Горина несколько не покорило такое обращение, хотя даже старые знакомые стали заискивающе «выкаты» после его назначения. От Арбенина, как близкого друга отца, он и не думал требовать дистанции. Горин похлопал его по плечу. Не дружески, а скорее как возмужавший сын подбадривает стареющего отца.

– Трудные времена закаляют. Человек рождается заготовкой, и только испытания превращают его в сталь, – сказал он.

– Вылитый отец! – с восторгом сказал Арбенин, потом резко переключился, – Интересно посмотреть на пациента? Допросить его вряд ли получится.

– Давайте взглянем. Как он?

– Стабильно. Сам понимаешь, при таком поражении головного мозга он, как бы деликатно сказать...

– Растение?

– Да, скорее растение. Впрочем, увидишь.

Пока они поднимались по широкой лестнице, доктор, не открывая рта, напевал. Дмитрий узнал мотив: ария Германа из «Пиковой дамы». Ему помнилось только «Что наша жизнь – игра» и «Пусть неудачник клянёт свою судьбу». Слова оказались к месту и ко времени. Горин размышлял о себе: кто он – неудачник или так, не в его пользу сложились обстоятельства? Однокашники, с кем он начинал в академии, давно светились среди партийной элиты, а он рисковал надолго застрять на побегушках в роли послушной детали машины власти. Конечно, ему хотелось большего. В конце концов, возраст – под сорок, сколько можно топтать землю, оставаясь ищейкой, пусть и с большими погонями? Ладно, всё это лирика, думал он, разглядывая ступени. Местами бетон с мраморной крошкой откололся, однако, миллионы шагов сгладили острые края, как вода стачивает камни. Раскрыть покушение, потом торговаться. Кто отваживается – побеждает.

Когда они оказались возле глухой двери хронического отделения, доктор приложил карточку-пропуск к замку. Едва переступив порог, Горин сморщился. В нос ударил запах хлорки, больничной еды, кварцевых ламп, лекарств и немых тел. Он с детства терпеть не мог эти запахи. Так для него

пахла обречённость. Стоило ему уловить хотя бы намёк на них, как перед глазами представала картина: некрашенная палата, койки с грязным постельным бельём, толстозадые медсёстры, – одна вынимает из руки матери иглу капельницы, другая покрывает с головой простынёю, – и три апельсина, выпавшие из неловких детских рук Дмитрия на исшарканный пол с мелкой кафельной плиткой. Зачем он носил апельсины? Она их никогда не ела. Инспектора передёрнуло. С годами воспоминания поблекли, но всё ещё болезненно отзывались из глубин памяти.

Юркая молодая медсестра приняла его пальто и помогла облачиться в белый халат. Она скрылась также молча и незаметно, как и появилась. Коридор отделения со множеством открытых и закрытых дверей оказался залит светом.

– Здесь мы не экономим. Иначе некоторые начинают бунтить, а это – лишние расходы на препараты, – пояснил Арбенин.

Горин покивал механически, будто поглощённый мыслями. По коридору, как тени шаркали тапочками больные в застиранных и перештопанных пижамах, ставших со временем одинакового серого цвета. С десятков пациентов расселись на стульях и потёртом диване в холе возле старого телевизора. Шёл фильм о войне. Они смотрели, не шелохнувшись, словно статуи. Горинское внимание привлёк один тип. Выглядел он безобразно. Как и все наголо брит, отчего его и без того непропорциональная голова походила на большой шар. На

вид ему не дашь и тридцати. Тело напоминало тесто, порывшее вытечь из больничной пижамы. Он пялился в экран с приоткрытым слюнявым ртом, извергавшем звуки, средние между «ы» и «э». Его правая рука вцепилась в промежность, будто он секунду назад мастурбировал, но отвлёкшись, забыл о своём занятии.

– Нет ничего страшнее, чем провести жизнь так, не имея шанса осознать, что ты мёртв, – озвучил Горин мысли.

– Партия пыталась продвинуть декрет об уничтожении, как они выразились, бесполезных для нации элементов. Прислушались к нам, врачам. Психиатр, не знающий сострадания и сочувствия, становится машиной. Больной ни в чем не виноват, и он – человек...

Горин не стал спорить.

Путь преградила ещё одна дверь. Сразу за ней находился сестринский пост, где в кресле развалился бритый санитар со сломанным, как у профессионального борца, ухом. Он смотрел трансляцию боёв и окинул вошедших бычьим взглядом. Никаких эмоций на лице не отразилось, опять впялился в экран. Арбенин прошёл мимо, как если бы вместо санитаря стоял шкаф. Горин, привыкший к субординации, вмешиваться не стал, только ухмыльнулся, представив, как не без удовольствия укладывает детину на канвас.

– Он в третьей, – сказал Арбенин.

Они подошли к окну, через которое просматривалась палата. Зрелище оказалось не из приятных. Переплетённое

трубками и проводами грузное тело наверняка уже бывшего замглавы Госсовета Митичева прикрывало лёгкое одеяло.

– В коме? – Горин говорил полушёпотом, словно боясь потревожить высокопоставленного пациента.

– Нет. У него стремительно прогрессирующее тяжёлое нейродегенеративное заболевание неясного генеза. До девяноста процентов нейронов повреждены.

– Понятно, – протянул Горин.

– Он ничего не помнит, не способен говорить и вообще делать хоть что-то, что делает человек в обычной жизни, – пояснил Арбенин.

– Почему его доставили к вам?

– Вёл себя буйно, угрожал жизни окружающих, проявлял признаки острого психического расстройства. А у нас впал в такое состояние. Даже не знаю, чем всё кончится.

– Долго он так протянет?

– Никто не скажет.

– Ужасно, – Горин вздохнул и отвернулся.

– Согласен. Не позавидуешь, – Арбенин помедлил, – Хочешь видеть дочь?

Дмитрий не ожидал вопроса и несколько секунд пялился на бейдж главврача, словно вспоминая, по какому праву он его задаёт.

– Тороплюсь, – очнулся он, – Как она?

– Мы перевели её в общую палату. Она быстро оправилась после реанимации. Общительная, спокойная девочка, очень

дружелюбная. Не переживай, я лично за ней наблюдаю. Тем более все знают, кто её отец, поэтому внимание к ней повышенное.

Горин хотел возразить, что социальный статус не должен влиять на качество лечения, но промолчал, понимая неудобную правду.

– Есть шанс, что она выздоровеет? – спросил он, когда они проделали обратный путь до поста охраны в холе первого этажа.

Тот же охранник вытянулся по стойке «смирно».

– Слышал, швейцарцы разработали новый препарат. Есть надежда на него. Однако отношения с Европой разорваны, достать непросто. Почти невозможно.

– Напишите название.

Арбенин достал из кармана халата блокнот, щёлкнул ручкой, записал длинное в ширину страницы название лекарства и протянул вырванный листок. Горин, не глядя, сложил его вчетверо и сунул в пальто. Конечно, ему хотелось видеть её. Он представил дочь, сидящей на подоконнике палаты, её ясный взгляд, устремлённый вдаль. Ждала она его? Наверное, нет. В последнее время она с трудом его вспоминала. Он механически протянул руку. Арбенин ответил крепким рукопожатием. В глазах его читался не страх, а нечто незнакомое Горину. Только оказавшись в машине, он смог подобрать нужное слово.

Это было сочувствие.

Модель № 620

Город замер под голубой льдиной неба. Казалось, можно услышать, как трескаются от холода фасады зданий.

Дмитрий не признавал ограничений скорости. Его серебристый электрокар, с говорящим названием «Стрела», летел по улицам. Партийная программа повышения производительности труда сделала своё дело – из-за запрета для граждан на передвижение в рабочее время, дороги большей частью пустовали. Можно притормаживать только на перекрётках, когда загорается «красный».

На него взирали безликие тысячи окон высоток. Слепой, безразличный взгляд. Ему представлялась за ними простая обстановка: обеденный стол, шкаф, кровать, несколько стульев, кресло, может, несобранные с вечера игрушки на лянлом ковре. И сколько он ни силился, не мог представить людей. Они словно бы испарились, оставив только тени, изредка скользящие по улицам в поисках тех, кто когда-то их отбрасывал. Магазины, рестораны, афиши кинотеатров – всё виделось ему декорациями. Зайди в любое кафе, везде одно и то же: ряды сервированных столиков, раскрытые меню и ни души. Как будто шла титаническая подготовка к похоронам. Город оживёт только вечером. Но оживление – карнавал механических кукол, в которых на считанные часы вдохнут жизнь неведомые трубадуры.

На перекрёстке он повернул в сторону опалённой холодом

солнца зеркальной башни корпорации НОВА. Если в деле Митичева и не было надёжных зацепок, то здесь Горин рассчитывал получить хотя бы намёк на то, куда двигаться дальше. Визит в больницу его откровенно разочаровал. Будь чиновник способен самую малость соображать, он дал бы информацию. Тем более, санкция на опрос имелась. А в НОВА, скорее всего, поприжали хвосты. Не стоило ждать лёгкого разговора.

Неожиданно мимо пронеслась красная «мазда» – бензиновая рухлядь. За нею с рёвом сирен пролетели несколько полицейских машин. На следующем перекрёстке Горин увидел эту же «мазду», впечатавшуюся в стену дома. Автомобиль окружили вооружённые гвардейцы. Несколько полицейских выковыривали из груды металла мужчину без сознания. На асфальте в луже крови лежала без движения молодая рыжеволосая девушка. Мужчина, когда его вытащили, очнулся. Он закричал что-то, вроде её имя, вырвался и бросился к ней. Его подкосила автоматная очередь.

Горин сбавил скорость. Тут же под вой сирен «Стрелу» подрезала неизвестно откуда взявшаяся полицейская машина. Дмитрий прижался к бордюру, едва не оцарапав диск на колесе. Выскочил патрульный, сержант, зелёный юнец. Увидев на лобовом стекле «Стрелы» пропуск с жирной надписью «*проезд всюду*», он тут же замедлил шаг. Горин сменил гнев на милость, опустил стекло. Остановившись на почти-тельном расстоянии с виновато-обеспокоенным взглядом,

патрульный вытянулся и ударил себя в грудь правым кулаком.

– Виноват, господин федеральный инспектор. Ваши номера не числятся в базе, – громко отрапортовал он.

– Это личная машина, – Горин попытался говорить непринуждённо, но голос всё равно звучал холодно, – не пользуюсь служебной принципиально. Госсобственность нужно беречь. Это собственность нации.

Лицо сержанта сморщилось, будто каждое слово инспектора становилось гвоздём, вбиваемым в его юную голову.

– Что здесь происходит? – Горин кивнул в сторону «мазды». Трупы уже грузили в подоспевший полицейский фургон.

– Операция по задержанию террористов из Национальной освободительной армии, – отрапортовал сержант. Горин сжал губы, глядя на спящих полицейских.

– Разрешите идти, господин полковник? – напряжённое лицо сержанта выражало только одно желание – как можно быстрее сбежать. Горин кивнул. Сержант ретировался. Вереница полицейских машин к тому времени скрылась из виду. Только сиротливо дымила брошенная «мазда». Горин цыкнул. Эта рыжая и её парень... не похожи они на террористов. Дмитрий решил выделить время разобраться. Но позже. Отрываться от расследования нельзя.

Ветер полностью выдул тепло из салона. Горин надел перчатки и тронулся. Аккумуляторы давно просили замены, но

руки не доходили. Из-за остановки датчик заряда заморгал красным. Включишь обогрев, машина встанет на полпути и придётся идти четыре квартала пешком, а потом вызывать эвакуатор. Слишком хлопотно. Пришлось помёрзнуть. Когда он запарковался возле небоскрёба НОВА, оплатив заодно час зарядки в терминале, машина всю сигнализировала, что вот-вот сдохнет.

Модель № 102

После того как Горин отправил за решётку троих чиновников из НОВА за грандиозную растрату, он входил в здание, не заказывая пропуск. Даже удостоверение не показывал. Улыбчивые девушки администраторы только учтиво спрашивали: «Вы к кому?», наверняка подразумевая «За кем?», звонили «наверх», и через несколько минут перед ним представал какой-нибудь менеджер, каждый раз новый, немой тенью сопровождавший к председателю совета директоров. Схема работала опять.

Кабинет главного Дмитрию нравился. Просторный, светлый, обставлен дорого и со вкусом в минималистичном стиле. Особенно его привлекало панорамное окно, из которого город – как на ладони. Пока председатель с говорящей фамилией Золотов пыхтел возле кофемашины, отчего-то кофе он любил делать сам, Горин, развернувшись к окну, откинулся в чертовски удобном кресле со всевозможными поддержками и вибромассажем, и смотрел на переплетение холодных

улиц, где всё ещё, должно быть, дымилась «мазда» этих Бони и Клайда. Уйти на пенсию и заняться архитектурой – это оставалось мечтой Горина. Он считал, что чувствует города, их особенные вибрации. И видел то, что многие не замечали – красоту, сокрытую там, где ей, казалось бы, не место.

Его взгляд скользил по городу. Стекло. Изгиб. Сталь. Рёбра бетона. Цепкая арка моста. Метро тяжело дышит, проглатывает человека за человеком. Лезвия ступеней. Зеркало. Мрамор. Затем неожиданно что-то улавливается, становится понятней в нагромождении конструкций и материалов. Красота – математическая точность построек, динамика множества точек, образующих завершённые фрагменты пространства. Собственно, полиэдры мегаполисов – проекция наших представлений об идеальном.

Мы пристрастились к геометрии, как только покинули пещеры и построили первые жилища из глины и соломы. Вдохновлённые природой, мы воплотили её позже в каменных зданиях и, в конечном счёте, превзошли её в совершенстве линий современной архитектуры. Земля же то и дело пыталась извести нас как бактерию, вирус, чужеродный организм. Мы нуждались в доме, безопасности, покое. И появились города.

Современная городская агломерация – творение вопреки живой природе. Выражение её отрицания. Компенсация комплекса брошенности. Всё построенное нами – есть утверждение воли к жизни. Подобную волю проявляет младенец,

оставленный матерью. В доказательство того, что мы состоялись, мы подняли с земли камень – мёртвое – и оживили, наполнив смыслом его существование в формах архитектуры. Мы выплавили сталь и также оживили её, превратив в тела зданий. Мы вдохнули жизнь в стекло. Теперь оно отражает свет отрёкшегося от нас мира.

Мы заставили мёртвое танцевать, придали ему динамику, изменение, развитие, идею. Геометрия городов дразнит танцевальным ритмом. Они резко меняют размеры, темп; могут броситься из монотонности в вакханалию трёхмерных структур.

– Вы не предупредили, Дмитрий Андреевич, – мягкий голос Золотова, никак не сочетавшийся ни с его статусом, ни полной фигурой, вырвал Горина из потока размышлений, – сейчас все соберутся. Буквально десять минут. Пока выпьем кофе?

Поставив блюдце с чашкой на белоснежную салфетку, он уселся напротив и испытующе посмотрел на инспектора. Золотова, должно быть, злило, что Горин занял его кресло, но он эмоций не выдавал, обратившись запуганной овцой.

– Что с сенсорамой, которой пользовался Митичев? – Горин решил с ходу взять быка за рога.

Золотов махнул рукой.

– Сгорела к чертям. Утилизировали, – глаза его забежали, – важнее код. Образ сняли, он у вас.

Горин не сильно рассчитывал на откровенность. Подумал,

поиграем по вашим правилам.

– Да, должны доставить. Я не появлялся в офисе. Мотаюсь, – проговорил он.

– Понимаю, – протянул Золотов, – событие из ряда вон... А начальнику дирекции что?

– Пока халатность.

Золотов сморщил нос, склонил голову набок.

– Молодой парень, жалко. Да и не виноват он ни в чём. Всё по инструкции делал и не в первый же раз.

– Не виноват? – Горин нахмурил брови, – пострадал зам-председателя Госсовета. Немаленький человек. А если это умышленное преступление?

Золотов умолк, надолго приложившись к чашке, будто глотал вместо кофе коньяк. Потом робко спросил:

– Как он? Митичев.

– По мне лучше умереть. Шансов выкарабкаться нет.

Золотов осушил чашку залпом, прижал к губам кулак и стал тихонько насвистывать, уставившись в стену. Горин не сводил с него взгляда. Тот словно чувствовал, то и дело проводил по лбу ладонью, вытирая испарину. Казалось, ещё несколько минут, и Золотов полыхнёт огнём. Спас стук в дверь.

– Да-да, входите! – оживился он. Голос обрёл твёрдость.

Горин покачивался в кресле, скрестив руки на груди. Золотов молчал, чуть слышно постукивая по столешнице ко-

стяжками пальцев, похожими на короткие сосиски. Говорили руководитель дирекции кибернетики, – моложавый про-стак, представился как Аркадий, – и юрист корпорации Аврора Сергеевна, утончённая блондинка в изысканном крас-ном деловом костюме, с холодными голубыми глазами и взглядом, полным обольщения.

– «Отражение» – побочное направление нашей работы, – говорила Аврора едва ли ни медовым голосом, теребя золо-тую подвеску в виде буквы «А», покоящейся на её груди, – нейросети, искусственный интеллект, био- и генная инжене-рия, медицина – вот наши приоритеты. Как и партии. Может прозвучать самонадеянно, однако, мы – надежда человече-ства на спасение в случае кризиса.

– Тем не менее, меня интересует именно «Отражение два ноль». Я хочу разобраться, что произошло с господином Ми-тичевым.

– Как и все мы! – чуть не вскрикнул Аркадий. Горин гля-нул на него, как надсмотрщик на зэка. Аркадий скрючился, уставившись на руки.

– «Отражение два ноль» – настоящий прорыв в киберне-тике, – продолжала Аврора, не обращая на реплику коллеги внимания.

– Я слышал, но в подробности не вдавался, – сухо ответил Горин.

Аркадий вклинился:

– Представьте, – быстро заговорил он, – полное погру-

жение. Эмоции, чувства, ощущения – всё настоящее. Если вчера мы могли показать только красивую картинку, вспомните наши «Путешествия в Отражении», то теперь мы создали физическую гиперреальность. Раньше клиент думал, что если на него нападёт дикое животное, то это... страшно, неожиданно, однако, – графика. «Два ноль» совершенно другое дело. Запахи, боль, прикосновения, вкусы... Вы не представляете, насколько это великолепные ощущения. Благодаря новому «Отражению» за какие-то десять минут люди смогут проживать целые жизни, которых у них никогда не было и не будет, встретить давно умерших родных, побывать на других планетах.

– Расскажи, сколько было тестовых входов, – вмешался Золотов.

– Семьдесят три. Всё наше подразделение участвовало. Каждый прожил там примерно по шесть лет. Мы даже умирали. Никаких физиологических изменений не зафиксировано. Исследования проводились с академией наук. Я ума не приложу, что случилось с господином Митичевым.

– Он кричал «Они убьют меня», бросался на людей. Это показания группы, контролировавшей вход, – сказал Горин.

– Да, такое было, – Аркадий поник, – Мы растерялись и перепугались. Всё-таки первый официальный запуск проекта. Понимаете, та «Модель», то есть загружаемый мир для «Отражения два ноль», довольно своеобразна..., – тут он осёкся.

Горин вскинул брови.

– Ну, говори, чего уж теперь, – безрадостно проговорил Золотов и нервно забарабанил пальцами, – между нами.

– «Красная комната», – Аркадий густо покраснел.

Горин поморщился и едва не сплюнул.

– У нас больше сотни предзаказов, – начал Аркадий, но его оборвала Аврора, не сводившая глаз с Горина.

– В любом случае в модели господина Митичева нет ничего убийственного, как и в любой другой. Всё, что мы используем – абсолютно безопасно, – проговорила она.

– Выходы вы не прекратили? – Горин обратился к директору.

Вновь ответила Аврора.

– Нет оснований. У нас обязательства перед акционерами и клиентами. Мы должны придерживаться их интересов.

Когда она говорила, с её губ не сходила колкая усмешка. Она насмеялась над очевидно бесплодными попытками инспектора выяснить правду здесь, в этом кабинете, под строгим взором вождя на портрете. Аврора играла с Гориним, как кошка с мышкой, давая ложную надежду. Она понимала: истиной будет, что она скажет, а Горин изложит в рапорте, который подпишет генеральный прокурор и направит в архив. Так бумага закрепит абсолютную правду, основанную на абсолютной лжи. Дмитрий же чувствовал себя импотентом, утешаемым шлюхой. Пора заканчивать спектакль.

– Всё тайное становится явным, – он взял театральную па-

узу.

Аврора обнажила в улыбке белоснежные зубы.

– Вы совершенно правы, господин инспектор, – елеиным голосом произнесла она.

Модель № 312

Горин не мог привыкнуть к тишине в квартире. Скинув туфли и пальто, он подошёл к двери в детскую, некоторое время прислушивался, потом осторожно повернул ручку. Включив свет, инспектор застыл на пороге. В комнате витал слабый цветочный аромат. Скромное по размерам пространство под яркой лампой в виде расписанного мультяшными героями воздушного шара, устремившегося в нарисованное на потолке солнечное небо, как-то удивительно расширялось, превращаясь в безграничный мир детских фантазий. Горин не находил сил к чему-то здесь прикоснуться с тех пор, как дочь оказалась в лечебнице. Прошло три месяца. Казалось, год. На книжных полках, столе, засыпанном рисунками, осела пыль; едва заметно от сквозняка покачивались кольца на гимнастическом уголке; куклы в ярких платьях за столиком для чаепития глазели друг на друга, вскинув кверху пластмассовые ручки, будто ждали, кто вдохнёт в них жизнь. Горин посмотрел на кровать дочери, перевёл взгляд в другую сторону, где стояла колыбель – деревянная белая с высокими бортиками, резко выключил свет и хлопнул дверь.

Лицо его превратилось в непроницаемую восковую маску.

На кухне Горин сбросил оцепенение. В холодильнике оставалась бутылка пива, слипшиеся спагетти, немного говяжьего фарша. Он приготовил простой ужин. Вышло съедобно, но поел без особого аппетита и удовольствия, просто набив по армейской привычке желудок. За трапезой успел просмотреть на лэптопе досье на десяток человек из персонала НОВА и направленные из полиции протоколы допроса. Как и предполагалось, никто не имел к Митичеву никакого отношения. Он вспомнил о пиве, когда еда закончилась. Отложив оставшиеся документы на завтра – всё равно без толку читать, никакой зацепки не получишь, Горин достал запотевшую бутылку и пошёл в гостиную.

Там он упал на диван, скрутил крышку, подождал, пока рассеется дымок над горлышком, и сделал долгий глоток. Телевизор выдавал фоном тошнотворное ток-шоу. Горин ждал выпуска новостей. Его интересовала молодая парочка боевиков НОА, убитая на его глазах. Хорошо думалось под музыку. Он владел всё ещё современным виниловым проигрывателем с левитирующим на магнитном подвесе диском. Горин щёлкнул кнопкой, и через мгновение пространство взорвалось глубинным звучанием «Токкаты и фуги ре минор» Баха.

Горин попытался разложить по полочкам итоги последних суток.

Вариант первый: Митичев стал жертвой боевиков из На-

циональной освободительной армии. В пользу версии говорил организованный политиком крестовый поход против левого подполья. Сколько членов НОА растолкали по тюрьмам – не сосчитать. Соответственно, мотив – банальная месть. Горинское руководство склонялось к этому же варианту. Им выгодно убить одним камнем двух зайцев: раскрыть заговор и пробить брешь в стане леваков. Но пособник должен затесаться в персонал НОВА, причём работать не каким-нибудь уборщиком, а спецом группы контроля входа в «Отражение». Эти ребята проходили проверку по базам госбезопасности каждый месяц, при малейшем подозрении их ждало в лучшем случае увольнение, в худшем – арест.

Вариант второй: политика «слили» свои же. Клан Митичева находился у «кормушки» непозволительно долго по меркам партийной элиты. На жирную должность претендентов хоть отбавляй. Почему бы не подговорить кого-то из НОВА разыграть несчастный случай? Горину версия показалась рабочей. Единственное, дадут ли «наверху» добро на её отработку? Не станет ли он сам жертвой придворных интриг, ведь, как известно, лес рубят – щепки летят. Проще уж свалить всё на НОА. Несколько показательных расстрелов бы не помешало.

Вариант третий: на него действительно кто-то напал в «Отражении». Какая-то тварь, неведомая и весьма злобная кибернетическая сущность. Другого объяснения внезапному помешательству Митичева не находилось. По большому

счёту, «Отражение два ноль» – нечто новое и неизведанное, не имеющее аналогов в мире, если верить надоевшей рекламе НОВА. Почему бы не поверить в сказку об иных мирах, кроличьей норе, набитой ужасами. Версия, конечно, экстраординарная, но сбрасывать её со счетов преждевременно.

Инспектору стало ясно одно – работа с «Отражением два ноль» должна быть немедленно остановлена. Если с её помощью можно убивать, то... Горин вспомнил Аврору: *«мы должны исполнить обязательства перед клиентами»*. И кто клиенты? Элита партии, промышленники, власть... Неужели кто-то задумал известить всю верхушку государства? От этой мысли по спине инспектора пробежал холодок.

Он очнулся от дремоты как раз в тот момент, когда тонарм проигрывателя вернулся на место, а на телеэкране появилась искорёженная «мазда». Картинка повторяла сцену виденной им кровавой расправы. Дмитрий прибавил громкость: *«боевики террористической организации «Национальная освободительная армия» оказали вооружённое сопротивление силам правопорядка и уничтожены спецназом»*, – равнодушно произнёс бот-ведущий. Лицо убитого мужчины показали крупным планом. Он странным образом походил на Горина. Впрочем, инспектор считал себя человеком со вполне «средней», ничем не выделяющейся внешностью, мало ли какие случаются совпадения. Больше его тронули слова о «вооружённом сопротивлении», какого в помине не было. Он поймал себя на мысли, что ему жаль эту парочку. Мир давно

живёт во лжи, гиперреальности, зачем ещё создавать «Отражение»?

О Митичеве в новостях не сказали ни слова.

Горин нажал кнопку пульта и экран почернел. В этот момент зазвонил мобильник. Номер незнакомый.

– Слушаю, – строго ответил Горин.

Ответил молодой мужчина. Голос, судя по металлическому отзвуку, специально искажён. Кто-то зашифровался.

– Вы меня не знаете, я вас знаю. Странно, да? – сказал неизвестный.

– Ничего странного. Кто вы?

– Будете удивлены, инспектор, но когда-то мы встречались. И не в этом городе, не в этой стране. Интересно знать где?

– Если честно, не очень, – Горину не понравилась эта дешёвая манипуляция, и он уже хотел отрубить связь.

– У меня есть информация, которая вам нужна, – незнакомец перешёл к делу.

– Это уже интереснее.

Тот назвал время и место встречи – одиннадцать утра в заведении «У Грасо».

Когда разговор закончился, Горин нехотя дошёл до кухни, откинул крышку ноутбука. Подключившись к ведомственной сети, он пробил номер по базе. Корпоративный, числится за корпорацией НОВА. Что ж, может, парень что-то знает.

Взгляд Дмитрия упал на последний протокол допроса. Он

так и лежал рядом с грязной тарелкой. Горин отсканировал код на документе телефоном, и текст тут же отобразился на экране компьютера. Включив диктовку, Дмитрий принялся мыть посуду. Ему хотелось отвлечься. Программа монотонно заговорила.

«Протокол допроса Данейко Людмилы Андреевны, 2 апреля 1998 года рождения. По существу заданных вопросов, поясняю, что я занимаю должность технического оператора корпорации «Новая эра». 1 марта 2040 года я находилась...»

Сквозь шум воды пробивались лишь отдельные слова. Одно и то же: была, видела, ничего больше пояснить не могу. Так говорили все, кого допросили. Но фамилия показалась знакомой. Застыв с намыленной тарелкой в руках, он произнёс её вслух несколько раз, потом разложил на слоги, склеил вновь.

И тут его как ошпарило. Он вспомнил: шесть лет назад она приходила к нему с заявлением о домогательствах Митичева к её дочери. Горин тогда посмеялся: где Митичев и где ты? Дело замяли. Митичев уже тогда стал большой шишкой. Дочь Данейко странным образом пропала. «Вот тебе и мотив», – подумал он, – «дело раскрыто». Не вытирая рук, он торопливо набрал номер телефона. В конторе уже никого не было, помощника беспокоить не хотелось – время позднее.

– Ладно, разберёмся утром, – сказал он вслух, – не бежит. Бежать некуда.

Он упал на диван в гостиной, некоторое время пялился в

тёмный потолок, на котором то пропадал, то появлялся бледно-жёлтый неоновый отпечаток вывески автосервиса на другой стороне улицы. Незаметно сон обвил его липкими щупальцами и утянул на дно.

Ему снилась Аврора. В обволакивающей темноте женщина появилась неслышно, опьяняя едва уловимым ароматом цветочных духов. Он расстегнул одним движением молнию на платье, коснулся бархата кожи, и лёгкий стон пробудил в нём животную страсть. Аврора опустила на колени. Он почувствовал дыхание совсем близко. Затем, толкнув его на кровать, она сбросила с себя одежду, и оба растворились в игре переплетённых тел. Движения становились быстрее и вот уже ногти до боли впились в его плоть. Он убрал волосы с её лица, желая коснуться жарких губ, но тут же по нему прокатилась ледяная волна ужаса: на него взирали пустые глазницы мертвеца. Попытался вырваться, но тварь, обратившаяся в Аврору, до хруста костей сжала его бёдрами. Он почувствовал, из мертвого нутра что-то посыпалось. Холодное, живое. Черви! К горлу подкатил приступ рвоты. Мертвец стиснул его шею руками. «Будь ты проклят!» – выкрикнула восставшая из ада Аврора, и голос её, умножаясь эхом, стал нестерпимым звоном в ушах. Умирая во сне, он вспомнил этот голос.

Модель № 037

Он боялся этих воспоминаний. Они приходили внезапно,

терзали его, как китайский палач, неделя за неделей отрешающий лоскуты плоти приговорённого. Опять нахлынуло. Долгий тревожный звонок, потом: «Она попала в аварию, мне жаль». Каждое слово – свинцовая пуля. Несколько часов в больнице показались вечностью, кошмарным сновидением, где мелькающие призраки говорят, но голоса, проходя сквозь вату сумеречного сознания, становятся бессвязными плоскими звуками.

Она знала. Матери всегда чувствуют, когда жизнь детей вдруг обрывается. Их ребёнку не было и года. Смерть забрала его мгновенно, не мучила. Слабое утешение. Когда он зашёл в палату, она смотрела ему в глаза и всё понимала. Что она могла сказать? Прости, мне жаль, я так виновата?

Это произошло в новогодние каникулы. Машину занесло на обледенелой загородной трассе в километре от горнолыжного курорта, куда её вытянули подруги подышать после нескольких месяцев добровольного заточения в роли кормящей матери. Она взяла малыша с собой, оставив старшую дочь дома. Только туда и обратно. Поездка не займёт и двух часов. Ничего не произойдёт. Ничего бы и не произошло, не трепись она по телефону. Младенец вылетел через лобовое стекло, когда машина на полном ходу врезалась в дерево у обочины. Её же, переломанную и едва живую, полчаса выковыривали спасатели. Горину позвонил начальник дорожной полиции. «Мне жаль» – как осколок мины, засевший у сердца.

А её глаза, – непросто вынести такое, – бездонные голубые глаза, наполненные отчаянием и мольбой о пощаде. Он не пощадил. Не смог остановить себя.

Горин потрянул головой, чтобы избавиться от тяжёлых мыслей, поставил машину на «ручник». Он запарковался возле бара «У Грасо» в восточном районе. Не любил здесь бывать. Эта часть города представлялась ему гангреной, захватывающей железобетонными ульями живой организм города. Квартиры дешёвы, – копейки, по сравнению с центром, – поэтому едва отстроенные кварталы быстро наполнились людьми, бежавшими из провинции от нищеты. Они надеялись найти счастье в столице, но едва ли один процент из них обрёл место под солнцем. Остальные же теснились в «машинах для жилья», – по другому эти квартирки не назовёшь; в них не живут, в них приходят переночевать после смены на заводе, а по пятницам – выпить водки, пытаюсь хоть так придать смысл существованию. Казалось, даже воздух другой – плотный, пропахший отработкой механизмов, и люди не те – многие в рабочих комбинезонах, движения рук резче, слова грубее, взгляды едва ли не волчьи, как у обитателей тюрем.

В баре Горин устроился за грубым деревянным столиком в углу. Улица отсюда хорошо «простреливалась», никто не войдёт незамеченным. Из динамиков, как помои лились тошнотворные речитативы новоявленных реперов из списка запрещённых экстремистов. Видно, власти здесь не было. В

такую рань бар не пустовал. Неудивительно для этих мест. Через три столика от Горина дремал за кружкой «светлого» пропитый мужик, похожий на разлохмаченную дряхлую болонку. Возле дальней стены зала, увешанной под ретро-бар виниловыми пластинками и номерными знаками, приютилась парочка мелких дельцов в спортивных костюмах. Они спорили о чём-то полушёпотом, никак делили добычу, оживлённо кивая головами. Руки их будто бы приклеились к опустевшим кружкам. Едва ли кто-то из этих троих звонил вчера. Оставалось только ждать. Горин пожалел о решении не брать пистолет. Он вообще не часто носил оружие, но район – почище латиноамериканских фавел, кулаками и ногами тут не отмашешься, каким бы мастером ни был.

Человек по кличке «Грасо», – никто не знал, откуда она пошла, – слыл контрабандистом, торговцем оружием и технологиями. В молодости он связался с проституткой, влип в неприятности и сел. После лагеря остепенился, открыл бар, ставший местом притяжения тёмных личностей. Полиция совалась сюда редко. На памяти Горина здесь проходила только одна спецоперация – брали наркоторговцев, но никого в итоге не арестовали. Инспектор предполагал связь Грасо с военной разведкой. Как ни крути, «друзья» у контрабандиста были по всему свету, грех не использовать его таланты на благо Родины.

– Что будешь? – крикнул возникший за стойкой черноволосый с большим крючковатым носом громила в клетчатой

фланелевой рубашке с закатанными до локтей рукавами; обнаженные руки его покрывали вьющиеся волосы – едва ли не звериная шерсть.

– Давай пива, – небрежно ответил Горин. Он подумал, заказывать кофе в этом месте не прилично.

– Покрепче? С бодуна что ли? – толстяк ухмыльнулся.

– Обычного, – процедил инспектор сквозь зубы.

Бармен отвлёк с разговорами. Горин не заметил, как вошёл высокий худой парень в очках, одетый в чёрный утеплённый бомбер, джогеры с накладными карманами, высокие кеды. Судя по виду, паренёк явно не отсюда. Что тут делает этот студент? Тот прошёл мимо Горина, даже не взглянув в его сторону, и скрылся за дверью для персонала.

– Странное время, – бармен поставил на стол запотевшую кружку пива и чашку солёного арахиса. Горин поднял взгляд. Он оказался на уровне волосатого звериного пупка, торчавшего между расползшихся краёв рубашки.

– Люди как запуганный скот, – продолжал он с горским акцентом, – посмотри: никто не улыбается. Ходят, как говна в штаны наложили. К кому подойдёшь, шарахаются. Я их что, резать собираюсь? А стукачей сколько? Из-за них в лагерях народу битком. Никто не разбирается, есть малява – сядешь. Понимаю, по убийству заехать, но когда кто-то против партии сказал – это перебор. Люди устали от нищеты. А мы всё воюем. Надо учиться уживаться с миром.

– Мы научимся уживаться, когда мир начнет с нами счи-

таться, – обрезал Горин поток полууголовного красноречия.

Грасо перед ним, – следовало сразу догадаться. Бармен упёрся громадными руками в стол, нависая над инспектором, уныло поглядел в окно, где порыв ветра поднял облако пыли.

– Тебе оставили, – Грасо неожиданно хлопнул здоровенной ладонью, – я говорил не связываться с собаками, но ты, инспектор, вроде как особенный.

– Попридержи язык, – огрызнулся Горин, готовый размазать здоровяка по стене.

– Не пугай. Здесь моя территория. Будет надо, живым не выйдешь и всё шито-крыто, – говоря это, он склонился и приблизился к лицу инспектора, обдав его крепким луковым запахом.

– Я тебе кишки выпущу, – прошипел Горин.

Грасо отпрянул и громко рассмеялся, обнажив чёрные зубы.

– Мне нравятся такие люди! Ты особенный. Пиво за мой счёт, инспектор. Без обид.

Он вернулся за стойку и занялся своими делами, как ни в чём не бывало. Горин глянул на «передачу». Это оказался пластиковый квадрат с одноразовым QR-кодом размером в четверть игральной карты. Код можно считать один раз, второй раз выходит битая ссылка. Их контрабандой завозили из Кореи. Хитрая штука. Даже конторские спецы не могли вскрыть ни одной после использования.

Пить с утра не хотелось. Горин съел только горсть орехов. Они оказались чересчур солёными, поэтому глотнуть пива пришлось. Он отсканировал метку телефоном и вышел прочь. Грасо за стойкой не оказалось. Выспрашивать у контрабандиста, кто оставил метку, без толку. Он с ними заодно. Ещё бы знать, с кем. Казалось, с ним вздумали играть в кошки-мышки.

Укрывшись в машине от начинавшегося снега – погода преподносила сюрпризы, Горин нажал на ссылку. Она перенаправила на видеохост. Качество записи было намеренно ухудшено. Изображение подрагивало, расходилось серо-зелёными полосами. Излишняя предосторожность – говорившего всё равно не узнать из-за маски и искажённого голоса, такого же, как у звонившего вчера незнакомца.

– Здравствуй, Дмитрий Андреевич, – показалось, человек под маской скрывал едкую ухмылку, – как я и говорил, ты меня не знаешь, а я тебя знаю. И гораздо лучше, чем ты можешь представить. У тебя есть тайна, Горин. Так? Это мучает тебя. Смею предположить, ты плохо спишь. Не мне тебя судить. Твой разум – твой палач. Меня предупреждали, ты опасен. Но и я – не промах. Предлагаю сотрудничество: ты помогаешь нам решить небольшую проблему, а мы тебе. Честолюбие свойственно людям целеустремлённым, готовым ломать стены ради желаемого. Не бойся желаний. В конце записи ты увидишь ссылку. Там – дальнейшие инструкции. И да, чуть не забыл! Мы знаем, что произошло с твоим боль-

шим другом в «Отражении». Я видел нападавших. Это ужасно. Страшно. Сущий ад. Представляешь, в цифровом мире есть нечто, способное убивать. И кто-то хочет вытащить это нечто на поверхность. Понимаю, у тебя много вопросов. Все ответы у тебя здесь, – незнакомец приложил палец к виску, – научись туда забираться и тебе многое станет понятно».

Запись оборвалась. Горин нажал на высветившуюся ссылку. Она вывела на интернет-магазин молодёжного шмотья. Осточертели эти игры!

Убрать телефон в карман он не успел. Пришло сообщение от Арбенина: Митичев умер. Станным образом его это не тронуло. Как будто он и Митичев жили в параллельных мирах.

Модель № 320

Возникший в центре перекрёстка постовой полицейский перерезал поток автомобилей поднятой рукой. В «хвосте» пробки не сразу сообразили, что причина заминки не в заглохшей некстати машине, как это бывает, и отчаянно сигналили, будто их клаксоны обладали сверхъестественной силой и способны разбить этот тромб, закупоривший главную городскую артерию. Столпившиеся пешеходы глазели на автоматчиков оцепления. Случилось что-то серьёзное. Горин, чья машина оказалась впереди, откинулся в кресле, глядя на «дворники», сметающие припустивший мокрый снег. Очевидно, ждать придётся долго.

Но нет. Через секунды с правой стороны донёлся нарастающий гул дизелей армейских грузовиков. Пешеходы оживились, завертели головами, некоторые приподнялись на цыпочки с жадно-любопытными взглядами, чтобы стать первыми зрителями начинающегося действия. Когда железные монстры с рёвом понеслись через перекрёсток, толпа ахнула. Открытые кузова оказались битком набиты людьми, в основном женщинами, укутанными в тряпье. Некоторые прижимали к себе детей, совсем младенцев. Из мужчин – старики и мальчишки. Некоторые пассажиры покачивались, закрыв глаза – дремали или мертвы, не поймёшь. На их меловых лицах застыли маски ужаса и отчаяния. Они остекленело смотрели на горожан. А те лаяли: «Предатели!», «Убийцы!», «Сволочи!»»

Пришитые к рукавам белые треугольники говорили сами за себя: с Юга везли сепаратистов, врагов нации. Их перебрасывали в гетто. В новостях говорили о палаточном лагере на сто тысяч человек, разбитом в чистом поле в двадцати километрах от города. «Груз» трясся в кузовах под беспощадным ветром, снегом, в холоде, голоде и страхе. Заслуживали матери и дети этих мучений? Горин не знал. Он смотрел на колонну, как зрители смотрят заикленные кадры кино, с отупевшим разумом. Инспектор вдруг не без удивления обнаружил немоту души, если таковая вообще в нём оставалась. Он обратился к себе с вопросом, сочувствует ли этим несчастным, но ему отозвалась лишь глухая темнота. Казалось, за

годы службы легавым, заточенным под политических преступников, он утратил способность чувствовать.

Последний, двенадцатый грузовик пронёсся мимо горинской машины. Он включил электродвигатель. Автоматчики пружинками попрыгали в замыкающий автомобиль сопровождения. Постовой дал отмашку. Застоявшиеся машины рванули с места, втирая в грязные лужи от талого снега звенящее в воздухе отчаяние матерей и вдов, для которых уготовано одно будущее – скорая смерть.

Когда-то Горин с остервенением разделялся с подпольщиками во имя идеалов революции – чистота крови, аристократизм духа, величие нации. Потом поостыл. Работа превратилась в рутину: донос, допрос, суд, расстрел – таково чрезвычайное положение. Но чем дольше он работал, чем больше разговаривал с теми, кого отправлял на смерть, тем более противоречивые возникали вопросы. Он обнаружил, что лозунги стали прикрытием для новой элиты страны, но их интересовала не страна, а безбедное будущее их кланов. Говорить об этом вслух Горин не решался. В противном случае система разделалась бы с ним так же быстро, как он с контрреволюционерами. Сопротивляться? Об этом не могло быть и речи. Он не смирился. Он стал безразличен, превратившись в автомат исполнения приказов. Философы прошлого говорили, что фашизм исходит из человеческой жажды власти над собой. Но нет. Человека поразило самое большое зло, он стал функцией, инструментом, служебным орга-

ном, безразличным к проявлениям истинно человеческого – разума.

Модель № 700

Городской полицейский департамент прислал развёрнутый, судя по двадцатистраничному документу, рапорт об инциденте с водителем и пассажиром «мазды». Не успел Горин щёлкнуть по выплывшему на экране уведомлению, как ворвался помощник. Немыслимая дерзость влетать в кабинет начальства, чуть ли не с пинка открывая дверь. Если бы не бледность, всклокоченные волосы и обеспокоенный бегаящий взгляд, как у взятого на закладке наркомана, он провёл бы отпуск, переписывая дисциплинарный устав. Только одно обстоятельство могло оправдать эту вольность. Горин, помотал головой, глядя в упор на помощника.

– Только не говори мне, что она сбежала, – проговорил он, едва сдерживаясь, чтобы не заорать на лейтенанта, ведь тот вчера не ответил на поздний звонок.

– Дмитрий Андреевич, – голос помощника дрожал, – она погибла.

– Как? – взревел инспектор, подскочив с места. Он яростно ударил ладонью по столу, от этого лейтенант вздрогнул и вжал шею в плечи, последняя кровь отхлынула от его лица.

– Покончила с собой. Рано утром или ночью прыгнула с моста, – выдал он на вдохе и замер. Если он и позволял себе дышать, то никто бы этого не заметил.

В мыслях инспектор обхватил руками шею лейтенанта до хруста позвонков и убил. Может, он сделал бы это и в действительности, но не в его правилах перекладывать ответственность. Это он, инспектор Горин, решил отложить вопрос с арестом подозреваемой до утра. Вот и получай теперь.

– Можешь идти, – Горин не скрывал разочарования. Изумлённый таким исходом лейтенант едва не влетел в косяк, поспешив скрыться с глаз взбешённого начальника.

Горин допустил ошибку. Он висел на волоске от провала. Ещё утром казавшееся простым расследование вдруг обернулось неразрешимым ребусом. Потерпевший мёртв, главная подозреваемая своей волей, – своей ли? – отправилась на тот свет. Что дальше? Его самого обвинят в госизмене?

Он хорошо помнил её. Ему показалось, она немного не в себе, когда протянула ему лист бумаги с замятыми краями – заявление. На вопросы отвечала сбивчиво, нервничала, не выпуская из рук скомканный платок. Почему-то в память Горину запало отсутствие на её пальцах колец. Заявление он, на тот момент капитан госбезопасности, не принял. Высмеял, назвал психопаткой, выставил за дверь. Потом где-то вскользь прочёл, что дочь Данейко пропала без вести, но значения этому не придавал. Теперь же, когда мать всплыла в списках сотрудников НОВА, Горин посчитал стопроцентным её мотив убить замглавы госсвета. Месть – блюдо холодное. Теперь же его терзали сомнения. Никогда не ошибавшийся легавый выпустил из виду какую-то важную де-

таль. Неужели это заговор корпорации? Нет, бред. Но если они действуют по заказу? Времени проверять эту версию не оставалось. От него ждут предварительный доклад. Нет ничего проще, чем свалить вину на террористов, вписать Данейко в ряды НОА – и дело с концом. Совесть, честь? Имеют ли эти понятия значение, когда речь идёт о твоей жизни? В конце концов, я всего лишь деталь машины, думал Горин.

Через двадцать минут после известия под каблуками его вычищенных до зеркального блеска туфель захрустела прибрежная галька. В городской черте из-за стоков река замерзала только в лютые морозы. Мягкая зима – лёд в этом году так и не встал, – сделала мост излюбленным местом самоубийц. Горин прикинул: десятиметровые опоры и глубина метра четыре – мало шансов выжить. Классика. Труп Данейко извлекли в пятидесяти метрах ниже по течению. Тело зацепилось за коряги на отмели. Горин подошёл к судмедэксперту Суздальскому, возившемуся возле тела.

– О, Горин! – воскликнул он тоном, каким встречают долгожданных гостей на вечеринке, – Твоя, что ли?

Суздальский, не вставая, протянул пачку сигарет. Горин не отказался. Он едва сдерживал позыв рвоты, сигарета не помешает.

– Помогли, или сама? – спросил инспектор после того как приступ тошноты прошёл.

– Похоже, сама, но чтобы сказать точнее, нужно время. Часа три, – Суздальский поднялся на ноги, потирая занемев-

шие колени, – по крайней мере, видимых следов борьбы нет.

Он прикурил Горину, потом себе. Вышедшее из-за тучи солнце осветило лысину эксперта, засиявшую нимбом – вылитый святой.

Не вынимая сигарету, Суздальский крикнул двум стоявшим поодаль сержантам: «Всё, пакуйте её!». Те подошли с кислыми лицами, работа не из приятных. «Давайте, давайте!» – подбодрил их эксперт. Стряхнув попавший на рукав куртки пепел, он по-приятельски взял Горина под локоть.

– Пройдёмся, Дима, – сказал он, не шевеля губами, будто за ними следили.

Горин повиновался.

– Холодно сегодня, – Дмитрий выдохнул облачко дыма и отправил щелчком окурочок в медную воду реки.

– Не то слово, – несмотря на возраст, Суздальский проворно поднялся по ступеням к дороге, где на обочине выстроилась вереница машин с включёнными проблесковыми маячками, – говорят, лета не будет вообще.

Горин хмыкнул. Из-за выпавшего мокрого снега его туфли скользили по отшлифованному граниту ступеней, отвлечёшься на разговоры – переломаетесь.

Наверху сновали люди. Казалось, рядовое событие, а сигналы едва ли не все службы: полиция, спасатели, следователи, медики, кого только не было. Ограждения набережной атаковали зеваки, вооружённые телефонами с включёнными камерами. Чужая смерть для них – подтверждение собствен-

ного существования, пусть зачастую бессмысленного.

– Слушай, такое дело, – заговорщически проговорил Суздальский, почти не двигая губами; Горина всегда удивляла эта его способность, – мои, пока я тут возился с твоей подружкой, проверили камеры. Все оказались выключены.

– То есть записи нет?

Суздальский развёл руками.

– Муниципалы грешат на замыкание, но слабо верится.

– А на подъезде к мосту?

– Мы поймали её на камерах у площади «Федерации», – он ткнул пальцем на другой берег, где светились вывески торгового центра, – она вышла из такси. Вызывала сама из терминала возле дома. Потом провал на полчаса. Как специально отрубили, понимаешь? Не знаю, поможет ли это. Не всё просто. И да, человек к ней подходил. Попал в тень, так что сказать особо нечего. Он вытащил из внутреннего кармана крутки телефон и протянул Горину. Дмитрий некоторое время вглядывался в отблёскивающий на солнце экран. Сказать, действительно, нечего. Если не одно «но». Он коротко кивнул.

– Узнаешь? – удивился Суздальский.

– Нет, – Горин цыкнул, – отправь снимки мне. Официально. Поработаем с ними.

– Для тебя что угодно, – Суздальский рассмеялся и хлопнул Горина широкой ладонью по плечу. Глядя на добродушное лицо этого человека, не поверишь, что он две минуты

назад возился с трупом.

Горин сел в машину, рванул с места. Нужно успокоиться. Он включил радио, играл джаз – пойдёт. После Суздальского он успел переговорить со старшим следствия, приказал передать дело. У того даже глаза заблестели, как если бы он сорвал жирный куш в лотерею. Оно и понятно: бумажной возни по суицидам тьма, а результат для статистики мизерный. Музыка прервалась новостями. Так, ничего интересного – где-то открывали новую дорогу, построили школу, выплавили столько-то стали, сделали столько-то танков, в Европе – народные протесты, война вот-вот закончится. Ни слова о Митичеве. Дмитрий убавил громкость.

В контору возвращаться не хотелось. Горин размышлял, не выдал ли он себя, когда Суздальский показал ему снимок. Хитрый лис видит больше, чем кажется. Если он что-то заподозрил, может донести «собственной безопасности», а этим собакам только кинь кусок мяса. Дружба – дружбой, а служба – службой. Зачем он вообще заикнулся про эти камеры? Провокация? Проверка на лояльность? Никогда не знаешь, кто и когда воткнёт нож в спину. Нужно всегда быть настороже: никаких лишних слов, эмоций, любой взгляд может стоить свободы. Тело – непроницаемая мембрана. Оно – машина, призванная только служить делу партии: жить, как скажут, умереть, когда скажут. Нет другого выбора, кроме сделанного за тебя.

Дмитрий, миновав блокпост, преграждавший один из вы-

ездов на скоростной диаметр, «положил» стрелку спидометра. Он глубоко вздохнул, будто с плеч свалился камень. Скорость – единственная вольность. Он почувствовал облегчение, лавируя между грузовиками, ползущими на автопилотах. Но его лицо оставалось слепком, напряжённым и строгим. Надо соответствовать. Нормам, законам, требованиям, инструкциям, принципам, правилам, приказам. Здесь на трассе он – бежавший узник, опьянённый сладким воздухом свободы и забывший от головокружения, что собаки давно взяли след: залежался в прелой листве, считай – погиб. Ты всегда на виду, всегда уязвим, лёгкая мишень для тех, кто метит на твоё место. Лучший, безупречный, всегда говорящий правильные вещи; нужно быть человеком, с которым трудно поспорить, ибо всё им произнесённое – истина, заключённая в книжечку лучших изречений лидера партии. Самое страшное – неодобрение, стыд, загоняющий в петлю. Верность сильнее огня.

Возле рекламного щита с надписью красным *«Думать, служить, сражаться!»* на фоне шеренги солдат, ошестинившихся стволами автоматов, он сбросил скорость и свернул с автострады. Дальше дорога шла вдоль пирамидальных тополей, тянувших чёрные ветви к небу. Эти стройные высокие деревья высадили пятьдесят лет назад в память о людях, не вернувшихся с войны. В День партии здесь появлялись новые саженцы – дань жертвам сражений или просто прихоть, никто не разбирался, потому что аллея стала парком, остров-

ком выхоленной природы, где можно побыть одному. По-настоящему. Говорили, здесь ни одной камеры. Горин остановил машину возле кованых ворот с табличкой-расписанием работы. Дальше – пешком. К парку примыкало кладбище. Туда он и направился, немного побродив пустующими дорожками.

Стена городского колумбария назывался тянулась метров на триста вдоль вымощенной плиткой дорожки, усыпанной пластмассовыми цветами; некоторые уже почернели, видно, оставили давно, в зиму или ещё раньше. Дмитрий не принёс цветы. Никогда их не дарил. Единственный букет, что получила жена, – свадебный.

Горин не сразу нашел её портрет. После похорон он здесь не появлялся, а гранитная стена с прахом умерших, – странная братская могила, – «выросла» почти втрое. Когда нашёл, сел на скамью с железной спинкой в виде двух ангелов у райских ворот и, обхватив себя обеими руками, как если бы спасался от холода, стал едва заметно раскачиваться вперёд и назад. Он безотрывно глядел на портрет, но взгляд проходил сквозь него, сквозь стену, куда-то за пределы этого мира, который вдруг утих, должно быть исчез, оставив Горина с самим собой. Она смотрела на него всё тем же прощающим взглядом, как тогда, когда он зажал ей нос и рот, не оставив шанса выжить. Да, он мстил. Мстил за страшную непоправимую ошибку, лишившую его сына. Мстил за то, что она всегда была слишком покладистой, не смевшей сказать слова

против, за её слабость, беззащитность, собачью преданность, чрезмерную правильность, набожность. Она всегда стонала, когда он спал с ней. Не от удовольствия, а от боли, превращаясь при этом в окоченевший труп, с которым омерзительно ложиться в постель. Она прощала его. И шла молиться. Всегда ему всё прощала, всегда за него молилась. А он любил и ненавидел её, и все его попытки разжечь в ней страсть, натыкались на невинные и полные слёз глаза монашки, для которой грех мог быть только личной жертвой во имя деторождения.

Её смерть списали на травмы. Только идиот поверил бы в это, но никто не стал разбираться. Горин уже тогда стал фигурой значительной, идти против него желающих не нашлось. Оказалось, проще закрыть глаза. Сделки с совестью, порождающие безнаказанность, стали приметой времени. Его же охватывал ужас при мысли, что дочь, единственный оставшийся родной человек, знает правду. Она боготворила мать и не смогла смириться с её утратой. После похорон она не произнесла ни слова, – Горину было некогда ею заниматься, он только стал федеральным инспектором, – через неделю наглоталась таблеток, и если не Арбенин, он потерял бы и её.

Модель № 205

«Не нравится, когда за тобой наблюдают?»

«Что ты чувствуешь: страх, ярость?»

«Это не игра».

«Игры закончились».

«Я жду тебя».

Горин смотрел на чёрный экран телефона и не верил глазам. Строчки высвечивались одна за другой, аппарат не реагировал на прикосновения. Кто-то управлял им. Мелькнула догадка. Чёртова метка, залили вирус. Что дальше? Скажут, у нас компромат, гони деньги? Некоторое время ничего не происходило, потом телефон перезагрузился, на экране появилась карта с геометкой. Горин хорошо знал место. Брать спецназ – шума много, толку никакого. Ведь ждали его. Явишься с бойцами, рыба уплывёт и заляжет на дно, а они что-то знали о Митичеве, НОВА, «Отражении». Нужно действовать. На свой страх и риск. Не впервой.

Он вызвал такси-беспилотник. Через двадцать минут его лицо осветили красные всполохи неоновой вывески ночного клуба «Патриот». Если нужны знакомства в мире богемы, то заводить их следовало здесь. Начинающие актрисы, стареющие политики, писатели удачливые и провалившиеся, журналисты, бизнесмены, дети партноменклатуры – все крутились в заведении. Поговаривали, им через третьи руки владел сын Митичева. Неприкосновенный остров разврата среди холодного моря порядка, насаждаемого партией железной рукой, посвящённым известен воскресными кинки-вечеринками, по сравнению с которыми античные оргии – невинные шалости. Их участники отбирались с особой тщатель-

ностью, исключительно «по рекомендации», чтобы не допустить огласки. Хоть сеть и была забита порнографией из «Патриота», сделанной низкокачественными скрытыми камерами, владельцы клуба отрещивались от обвинений в разложении нравственности, представляя воскресные встречи лишь клубом для избранных, где можно позволить себе быть раскованнее, чем обычно. Считалось, если попадаешь в список приглашённых, считай, тебе открыты двери кабинетов даже самых влиятельных людей. Город с двойным дном, благопристойность – мишура.

«Патриот» оказался забит под завязку. Удивительно для четверга, подумал Горин, но должно быть здесь всегда толпа, слишком знаковое место для города. У входа натиск холёной полупьяной молодёжи сдерживали два крепких охранника. Один из них, со шрамом на лице, увидел Горина на подходе, растолкал локтями людей в очереди, не обращая внимания на посыпавшиеся оскорбления публики, давая инспектору пройти. «Вас ожидают», – сказал он, распахивая двери. У лестницы вниз, откуда приглушённо доносилась музыка, другой сопровождающий, угрюмый широкоплечий тип лет сорока с приплюснутым носом боксёра, учтиво принял пальто. Не говоря ни слова, он ледоколом пробил путь в толпе возле бара к чёрной глухой двери с надписью «Зона А». Горин не ошибся, предположив, что здесь место для избранных. Неужели Национальная освободительная армия может позволить себе такую роскошь, мелькнула мысль.

Зал, отделанный в греческом стиле мрамором и золотом, озарялся цветными вспышками света, заливавшего полупустой круглый танцпол с подвешенным над ним зеркальным шаром. По обе стороны от площадки на высоких подиумах в такт громкой музыке извивались, обхватив пилоны, голые танцовщицы. В центре помещения находилась сцена, окружённая диванами, – ни одного свободного, – где танцевала гибкая блондинка, прикрытая только шёлковым национальным флагом. Зрители бросали ей под ноги купюры, а возбуждённые голоса требовали полной наготы. К слову, флаги висели повсюду. Они неожиданно удачно вписывались в интерьер. Сопровождающий указал на сумрачную часть зала с колоннадой. «Господин за третьим столиком», – проговорил он. Пока Горин пытался рассмотреть визави, охранник бесшумно скрылся за дверью, обрамлённую с обеих сторон статуями обнажённых бородатых атлантов, обращённых взглядами на стриптизёрш. Интересная у вас работа, парни, мысленно обратился Горин к каменным фигурам.

Чья-то тень поднялась из-за столика и заторопилась навстречу. Во вспышках дискотечных огней Горин разглядел его: молодой, выше головы, крепко сложенный, длинные вьющиеся волосы, не брит пару дней, взгляд приветливый, тонкие губы чуть растянуты в ироничной улыбке, одет просто – безупречно белая сорочка с расстегнутым воротом и закатанными до локтей рукавами, брюки, лакированные туфли. Незнакомец протянул руку.

– Не ждал, что так быстро, господин инспектор, – сказал он.

Глаза его блеснули, улыбка стала шире: уже немного пьян. Горин ответил на рукопожатие.

– Меня заинтриговало ваше послание, – ответил он, – Только имени вашего я не знаю.

– Для всех я Макс. Ларин, – он жестом предложил пройти к столику, – надеюсь, вы не голодны. Я заказал только выпивку. Виски, лёд, ничего изысканного. Кстати, ничего, если перейдём на «ты»?

– Да, так удобнее.

Ларин наполнил стаканы «на два пальца», положил лёд.

– Тогда, за встречу! – он выпил залпом. Горин же решил растянуть удовольствие.

– Бывал здесь? – с лица Ларина не сходила улыбка.

– Я не любитель шумных вечеринок.

– Ах, да. Для таких как ты отдушина – партийные собрания, да мрак подвалов. Вы же в подвалах допрашиваете? – Ларин ухмыльнулся.

– На таких, как я держится страна.

– Я бы сказал, страна стала такой благодаря вам.

– Не терплю разговоры в пользу бедных. И мне не доставляет удовольствия, когда со мной пытаются играть. Не родился ещё тот человек, который смог это сделать безнаказанно.

– Я не сомневаюсь! – он торжественно поднял стакан, –

Мы не хотим ссориться. Мы хотим договориться, – Ларин наполнил стакан, предложил Горину. Тот отказался.

– Договориться? Мне ничего не стоит вызвать сюда спецназ, положить здесь всех на пол, а потом, во мраке подвала подробно поговорить с тобой о моих тайнах и желаниях. Только едва ли они будут тебя интересовать. Когда тебе методично отбивают внутренности, не до разговоров по душам.

Ларин рассмеялся.

– Без скандала не обойдёшься. Публика тут особенная. Вон за тем столиком, например, замминистра строительства. Представь только, какой вой поднимется. Кстати, он квир.

Горин поморщился.

– Разбирает любопытство, откуда у революционеров деньги на такие развлечения, – Дмитрий кивнул в сторону блондинки, призывно танцующей на сцене; флагом она уже размахивала.

– Деньги приходят легко и уходят легко. Да и к революционерам «Национальная освободительная армия» не имеет никакого отношения. Оппозиция – да. И законы мы не нарушаем. Нам приписывают слишком много заслуг, в кавычках. Например, хотят пришить нам убийство этого ублюдка.

– Митичева?

Тот кивнул.

– Уверяю, организация не причастна.

– У одной из сотрудниц НОВА имелись личные претензии к Митичеву и, насколько мне известно, она тепло отно-

силась к вашим идеям: свобода, равенство, братство. Только свобода может быть для тех, кто её заслуживает, равенство – среди равных, а братство – среди братьев по крови.

– Давай без лозунгов! Послушай, в мире полно сумасшедших баб, имеющих претензии к мужикам. Она не наша. И точка. Хочешь найти убийцу, ищи в партии, в корпорации, но не среди нас. По большому счёту, нам плевать на Митичева и ему подобных. Наша цель – остановить НОВА. Ты нужен нам, а мы – тебе.

– Вы террористы, с какой стати мне с вами сотрудничать? Максим усмехнулся, выпил.

– Чтобы удержать власть, нужно показать народу его врага. НОВА – лёгкая мишень, никогда не промахнёшься. Только доказательства нашей вины из разряда: неизвестный в тёмное время суток сделал чёрт пойми что, в результате взрыв, пострадали люди. Можно посмеяться, если бы мои соратники не сидели в тюрьмах за диверсии и теракты. Проблема, что мы не устроили ни одного подрыва. Мы хотим только одного – справедливости для всех и добиваемся нашей цели политическими методами. Но нас никто и слушать не хочет. И не говори, что справедливости заслуживают только избранные.

– Допустим, я тебе поверил. Есть множество группировок, недовольных режимом. Допускаю, кто-то действует от вашего имени. Допускаю, боевые отряды НОВА расклеивают листовки, не более того. Что мне с того?

– Ты был в «Отражении», – перешёл Ларин к делу, выпив очередной стакан.

– Чушь, – Горин допил остатки. Ларин проворно наполнил.

– Мир гораздо сложнее наших представлений. «Отражение» – не развлечение для богачей. И в НОВА это знают. Митичев для них – техническая ошибка, но она пришлась очень кстати тем, кто хотел его убрать. Врагов у него хоть отбавляй. Однако НОВА не остановится.

– Я послал запрос прокурору. До конца недели все эксперименты корпорации по «Отражению» будут приостановлены или вообще свёрнуты.

– Да плевали они на тебя и прокурора. НОВА получила десять миллиардов бюджетного финансирования по линии министерства обороны через кучу частных фондов. Мы раскопали кое-какую информацию. Они хотят вытащить на поверхность то, что убило Митичева. Новое совершенное оружие. Думаешь, остановишь их бумажкой федерального инспектора? Не смей меня. Они ею подотрутся.

– О каком оружии ты говоришь?

– Мы называем их «Странники».

– Думаешь, поверю в сказки? – Горин поморщился.

– Другого не ожидал, – Ларин откинулся в кресле с напускным разочарованием, – Мы покажем их. И ты всё вспомнишь.

Он отпил из стакана. К столику подошла танцовщица,

тонкая брюнетка с каре, в одних только трусиках – две полоски ткани. Она обвила шею Ларина, лизнула его щеку, провела по лицу соском обнажённой груди, её тело извивалось в такт музыке.

– Хочешь меня трахнуть? – громко сказала она Ларину, бросив на Горина взгляд возбужденной шлюхи, – ты и твой друг.

– Детка, иди нахрен, – Ларин, не скрывая раздражения, сунул ей в трусики купюру и оттолкнул. Девушка обиженно скривила губы.

– Козлы! – сказала она и поплыла, как гадюка по реке, к изрядно выпившей компании мажоров. Ларин посмотрел на Дмитрия.

– Или ты хотел? Это Марта. Пять кусков, и она всю ночь будет тебя облизывать.

– Не до этого сейчас.

– Как хочешь. Мы покажем тебе «Отражение». Настоящее. Такое, каким его никто не видел. И ты всё вспомнишь.

Горин промолчал, отвлѣкшись на Марту. Один из перепивших юнцов уже пытался стянуть с неё трусы.

– Так мы договорились?

– Мне нужно время. Утром дам ответ.

Горин залпом выпил остатки виски.

– Жду звонка, инспектор, – Ларин поднялся и протянул руку. Дмитрий крепко её пожал.

Он обернулся на выходе. Ларин схватил одного из лапав-

ших Марту мажоров за грудки и швырнул на стул, да так, что парень упал на пол. Остальные не дернулись. Он обнял стриптизёршу за талию, что-то шепнул ей, она засмеялась и поплыла вместе с ним к лестнице наверх, в комнаты для частных встреч.

Модель № 984

Ему захотелось увидеть море. Он вызвал такси и отправился к заливу.

В свете луны казавшиеся расплавленным оловом волны шипели и пенились, накатывая на пологий галечный берег. Холодный ветер разносил приторно-солёный запах гниющих водорослей. Почти у самого горизонта растянулась вереница сухогрузов, ожидающих захода в порт; их сигнальные огни походили на Кассиопею, упавшую в воды залива. Вдали, на кромке изгиба побережья из последних сил искрился засыпающий город.

Аккуратно, чтобы не оступиться в темноте, Горин взобрался на камень у беспокойной воды, присел на корточки, положил под ноги перчатки и опустил руки вниз. Волна лизнула пальцы, замочив брызгами край рукава пальто. На что ты рассчитывал, подумал он, они ничего не чувствуют. Руки были немymi. Врождённая патология. Он ненавидел эти руки. Они осязали предмет, но не могли передать его свойств, тёплый он, острый, нежный, гладкий ли. На правой ладони сохранился след от ожога. Однажды он держал её над свечой

до тех пор, пока не почувствовал запах горячей плоти. Так он хотел хоть что-то ощутить.

Страшнее всего для Дмитрия было ощущать себя сшитым из других людей, может, механизмов. Он не помнил, когда произносил слово «счастье» и не понимал его значения. Оставался настолько глух к себе, что не чувствовал боли, любви, раскаяния, скорби, – ничего. Машина, внутри которой бьётся человеческое сердце. Или оно перестало биться? Иссохло, умерло. Горин задавал себе этот вопрос впервые и был оглушён тишиной внутри него, какая стоит в чёрной душной глубине высохшего колодца. Ему захотелось броситься в ледяные волны и плыть пока хватит сил, пока тело не сведёт судорогой, пока море не примет его тело, ставшее никчёмной скорлупой, мусором. Он начал снимать туфли и расстегивать пуговицы пальто.

В этот момент он потерял себя. Не чувствовал, не ощущал. «Где я? Куда попал? – подумал он, – что я здесь делаю?».

– Эй, – послышалось из темноты.

Наваждение сразу же кончилось. Он огляделся, не увидел никого. Решил, показалось. Но кто-то повторил:

– Эй, помоги мне.

Голос мужской, не молодой. Дмитрий сделал несколько шагов в сторону, откуда доносились звуки. Чёрный силуэт, пошатываясь, вырисовался из ночного тумана.

– Кто ты? – выкрикнул Горин, сообразив, что тип может

быть с бандой. Он сжал кулак, пожалев ещё раз об оставленном пистолете.

– Я не помню, – ответил призрак.

– Ты один? – инспектор обратился в слух, стараясь угадать в темноте шаги бандитов, но вокруг только шипели волны.

– Один, – призрак качнулся и стал приближаться.

– Ещё шаг и я выстрелю! – крикнул Горин, чтобы остальные поосеклись нападать.

– Нет, пожалуйста! Мне нужна помощь! Вытащите меня отсюда! – незнакомец опустился на валун и завыл, давясь слезами. Горин подошёл, все ещё готовый к неожиданному броску врага с ножом, воровской заточкой и чёрт знает, чем ещё.

– Что случилось? – сказал он.

Незнакомец казался в темноте худым стариком, одетым в рубище. От него несло помойкой. Странно, нищий сам того не зная, спас мне жизнь, подумал Горин.

– Просто выпустите меня отсюда, господин, – незнакомец издал громкий стон и зарыдал ещё сильнее, – вы же из них. Вы же знаете. Выпустите.

Дальше он забормотал что-то невнятное.

Псих? – подумал Горин. В утренней сводке не значились побеги.

– Хорошо, выпущу. Только назовите имя или номер электронного пропуска.

– Да не помню я имени! – заорал ненормальный. Он под-

скочил неожиданно резво и попытался ухватить Горина за ворот. Дмитрий тут же двинул ему короткий левый в печень. Тот застонал и медленно опустился на колени.

– Я ничего не помню, – прохрипел он, извиваясь на камнях, – помоги мне.

– Пей меньше, – ответил Горин.

Ночь была испорчена окончательно.

Дмитрий пошёл прочь к огням автострады.

Модель № 590

– Я арестован? – Арбенин поднял голову и посмотрел Горина. Тот застыл у порога.

– Объясните, зачем? – Дмитрий сел в кресло, Арбенин отложил ручку, закрыл пухлую историю болезни, – вы встречались с Данейко за минуты до того, как она спрыгнула с моста. Я хочу знать, зачем?

– Она погибла? Как? – он медленно снял очки.

– Предположительно самоубийство.

Доктор помотал головой.

– Послушай, я сорок с лишним лет занимаюсь психиатрией, она не самоубийца. Их я вижу сразу. Поверь моему опыту.

– О чём вы говорили?

Арбенин щёлкнул выключателем настольной лампы и тотчас всё вокруг померкло. Лицо его стало серым, безжизненным; бумаги собранные в стопки и лежавшие везде, куда

ни глянь, казалось от малейшего движения плотного, почти осязаемого воздуха, превратятся в пыль; стол, занимавший большую часть кабинета, протёртые стулья в ряд, превратились в декорации на давно оставленной сцене.

– Хорошо. Она позвонила, попросила встречи. Выглядела, действительно, подавленной из-за истории с Митичевым, но самоубийство... Она хотела поговорить с тобой. Боялась, её могут обвинить в покушении. У неё была какая-то информация. Я сказал, постараюсь устроить ваш разговор.

– Откуда ей известно о нашем знакомстве?

– Это не тайна.

– Она знала о моей дочери?

– Думаю, нет. Я же настрого запретил кому-либо об этом говорить.

– Какую информацию хотела передать?

– Обмолвилась об экспериментах НОВА. Якобы за «Отражением» стоит разработка оружия. Да, вспомнил. «Они хотят вытащить это на поверхность», – так она сказала. Больше ничего.

– Что дальше?

– Я уехал. Мне сообщили, что приехали к Митичеву. Боюсь, ты заблуждаешься насчёт самоубийства... Несчастный случай, или...

– Убийство? – закончил фразу Горин.

Доктор пожал плечами.

– Что случилось с Митичевым?

– Сердце. Так бывает.

– Кто к нему приходил?

– Я не знаю этих людей. Они представились службой безопасности НОВА. Позвонили из Министерства, приказали не препятствовать.

– Что они делали у него?

– Дима, я всего лишь врач, у меня нет никакой власти. Меня не допустили в отделение. Всех выгнали. Я звонил, требовал объяснений, знаешь, что мне сказали? Вам жить надоело? Вот что!

– То есть никто не знает, что эти люди делали, а Митичев в итоге скончался. Вы не находите такое совпадение странным?

– Я стараюсь об этом не думать. Я не знаю, сколько мне сидеть здесь. Вздрагиваю от каждого звонка, от каждого стука в дверь.

– Где тело?

– Его забрали. Мне выдали приказ Министра. Вот он.

Арбенин извлёк из ящика стола лист бумаги бледно-жёлтого цвета с гербовой печатью, под текстом – размашистая подпись. Горин прочёл.

– Кремация? Что-то слишком они торопятся.

Доктор развёл руками. Из кармана извлёк пузырёк с лекарством.

– Валидол, – пояснил он, – В какое же кошмарное время мы живём! Страшно быть маленьким человеком под колё-

сами государственной машины. Чувствуешь, что ты никто. Пыль, с которой никто не считается. Думать одно, говорить другое, не чувствуя себя, своих желаний – невыносимо. Знаешь, люди превращаются в чудовищ, когда начинают следовать какой либо «великой доктрине».

Горин окинул взглядом кабинет. Глупо было начинать разговор здесь. Стены наверняка нашпигованы камерами и микрофонами. Но осторожничать больше не имело смысла.

– Так сейчас живут все, – Дмитрий поднялся, – Проводите меня к дочери.

Модель № 930

Когда Горин зашёл в рабочий кабинет, секретарь занесла конверт с маркировкой генеральной прокуратуры. Он долго крутил в руках канцелярский нож, не решаясь вскрыть пакет, будто чувствовал: неприятности на разговоре с Арбениным не закончились. Кто-то играл против него. Он отложил почту на край стола, прочёл сводку. Кражи, самоубийства, разбои, наркотики – это он пропустил, дело полиции – неизвестными на траулерной яхте обстрелян патрульный катер; преступники скрылись за пределами контролируемой акватории. Горин выделил сообщение жёлтым маркером. Наконец он взял конверт, извлёк бумагу. *«В ходатайстве отказать»*. Дата. Подпись. Резолюция выведена толстым пером поверх текста его же запроса. Как плевков.

Рука сама потянулась к телефону. Нет, так просто вы

от меня не избавитесь, подумал он, торопливо набирая номер. Долго не отвечали. Горин оскалился. Затем инспектору пришлось объяснять какому-то тугодуму, по какому праву он намерен побеспокоить генерального без предварительной записи. Дмитрий поднажал: «Вопрос государственной важности!» – крикнул он. Соединили.

– Горин, – полился густой властный бас, но без раздражения, – Тебе мало того, что я написал?

– Почему дело поручили мне? – Горин удивился своей наглости. Так резко с начальством никогда не разговаривал.

– А сам не понимаешь?

– Объясните.

– Потому что ты всё сделаешь правильно. У партии на тебя большие планы. Год-два и ты займёшь моё место. Что важно для партии? Преданность. А преданность – это умение исполнять приказы, не задавая вопросов. Понимаешь, о чём я?

– Да, я понимаю.

– Вот и прекрасно. Возьми выходной, расслабься. Дело закрыто. Ты блестяще отработал, впрочем, иного не ждали. Знаешь, что у меня на столе? Наградной лист. Очередная медаль ко Дню нации. Коли дырку в кителе. Всё, Горин, забудь об «Отражении», о Митичеве. Уголовное дело по халатности на того паренька из НОВА спустим на тормозах. Займись лучше контрабандистами. Вчера обстреляли патрульный катер, слышал?

– Да.

– В твоей префектуре, между прочим. Пиши подробный рапорт о закрытии материалов, я согласую. Потом два дополнительных выходных тебе. Всё. Разговор окончен.

Когда в трубке послышались короткие гудки, Горин едва подавил крик. Но если бы его кто-то видел со стороны, то понял бы всё без слов. Дмитрий был в бешенстве.

Модель № 937

Через рутинных дел заглушила эмоции. Возня с отчётом по делу Митичева заняла большую часть дня. Экспертиза подтвердила: Данейко покончила с собой. С одной стороны, мозаика сложилась идеально, с другой, – Горина не покидало ощущение, что её детали фальшивые. Дмитрий напечатал последнее предложение, отрешённо перечитал текст, отправил на принтер. Секретарь забрала документ. Горин откинулся в кресле, задумавшись. Странно получается: враги становятся союзниками, а блюстители порядка оказываются замешанными в дьявольской игре. За окном вечерело. Задерживаться не хотелось, нужно как-то справиться с опустошением.

Когда он выключил свет и открыл дверь кабинета, раздался звонок телефона шифрованной связи. Что за чёрт! Он снял трубку, звонил Суздальский.

– Не говори ничего, – с ходу предупредил он, – этот канал не прослушивают. Просто молчи. Полагаю, ты прочитал мой

отчёт по твоей подружке. Так вот, он – враньё от начала до конца. Думай сам, что с этим делать.

Суздальский бросил трубку. Горин резко развернулся и вышел.

Оказавшись на улице, он набрал Ларина, назначил встречу. Прошедшей ночью Горин прочёл пересланные материалы. Большинство файлов оказались повреждёнными, из базы их своровали неумело, но общая картина складывалась. НОВА встала на военные рельсы, и если их эксперименты окажутся удачными, следующему поколению достанется выжженная земля. Кажется, они открыли дорогу в ад. Что может быть страшнее? Только опыты над людьми, или «биологическими образцами», как они фигурировали в отчётах. Инспектор вспомнил нищего на побережье. Бедолага попал под колёса НОВА? Не исключено. Горин проштудировал за обеденный перерыв несколько томов полицейских сводок и ужаснулся. Таких психов теперь отлавливали по всему городу. А сколько погибших... Думать об этом не хотелось.

Он сел в машину и колесил по вечернему городу без цели, заворачивая на перекрёстках по наитию, словно машиной управлял не он, а некто посторонний, совершенно незнакомый. Горину никогда не доводилось чувствовать себя куклой-марионеткой. За него решали, за него говорили, он только играл роль, опять-таки кем-то отведённую. Кто неведомый режиссёр? Ещё вчера он не нашёл бы ответа. Сегодня он пробился сквозь туман подсознания: система, отстроена-

ная на подавление любого проявления воли человека ради сохранения себя самой. Система тотального лицемерия, где принято говорить «А», подразумевая «Б», и всех, начиная от мелких клерков, заканчивая высокими чинами, такое положение устраивает, более того, они находят его единственно правильным и рациональным, видя в нём едва ли ни субстанцию, цементирующую народ в нерушимый монолит государства.

Может быть, впервые Горин ощущал себя зажатым в угол, пойманным на крючок обязательств. Вот истоки безразличия: принять всё, как есть, включиться в изошрённую игру с нарастающей сложностью правил, появляющихся спонтанно, по прихоти старших игроков, заставляющих остальных подстраиваться под обстоятельства. А остальные надеются выжить или пролезть «наверх» и сами бросать кости. Выход из игры один – смерть. Физическая или моральная – не важно. В любом случае будешь низведён до ничтожества. Со сколькими ты расправился сам, думал Горин, и не вспомнишь всех имён. Пришло время выбирать: стать проклятым самим собой, или забытым теми, кто сейчас руководит игрой.

Он оставил машину возле часовни на горе. Внизу вырывавшиеся из земли кристаллы небоскрёбов схватывались ржавчиной заката, превращаясь в гномоны солнечных часов, возвещающих конец жизни. Ларин ждал, облокотившись на ограждение смотровой площадки.

– Что-то ты не весел, – Максим приветливо улыбнулся.

– Тяжёлый день, – ответил Горин.

– Оправдался.

– Я прочитал...

– Стало быть, теперь мы по одну сторону?

Горин кивнул.

– Повидался с дочерью?

– Вы следите за мной?

– Ни в коем случае. У нас везде свои люди. Как она?

– Она меня не узнала.

– Должно быть, ты сильно изменился. Я должен раскрыть карты. Предпочитаю честную игру. Наша встреча не состоялась бы никогда, разве что при других обстоятельствах. Но и то, вряд ли. У тебя на меня ничего нет, и едва ли появилось бы. В том мире, куда НОВА хочет засунуть руки, есть нечто более могущественное, чем «Странники». Мы почти ничего не знаем о нём. Но он назвал тебя.

– О ком ты говоришь?

Ларин пожал плечами.

– Будь я религиозным, сказал бы, что это бог. Но я реалист, поэтому не знаю, что и ответить. Он называет себя «Архитектор». Сказал, ты всегда к нему приходишь.

Модель № 723

В машине они ехали втроём. Из-под повязки Горин ничего не видел. «Вынужденная мера», – увещевал Ларин. В

салоне пахло бензином. Автомобиль гремел всеми болтами, налетая на выбоины. Водитель перед ними даже не притормаживал. Больше скорость, меньше ям.

Ларин, сидевший рядом на заднем пассажирском, был в приподнятом настроении и болтал без перерыва.

– Странно всё получается, Горин. Мы мечтали о другом будущем. Летающие машины, роботы, искусственный интеллект, квантовые компьютеры, и чтобы дома не строились, а печатались на промышленных принтерах. Знаешь, как называли в начале двадцатого века человека будущего? Homo sapiens autocreator. Человек разумный, создающий себя. Ну, хорошо, большинство пересело на электромобили. Появились автономные военные роботы. Да, есть квантовые компьютеры. Люди улучшают тела. Я знаю человека, который вживил себе в пятки сейсмодатчики. Говорит, так он чувствует вибрации планеты. Но мы же мечтали не только об этом, правда? Нет войне, нет границам, нет загрязнению воздуха и морей, – вот лозунги нашей молодости. А ничего не поменялось. Стало ещё хуже. Мы наблюдаем, как мир скатывается к безумию и тонет в крови. Мы же все больны, Горин! Открой учебник психиатрии, на каждой странице – диагнозы нашего времени. Мы вернулись к тому, с чего начинали: диктатура, доносы, бесправие, расстрелы, целые народы объявлены врагами народа, концлагеря. Скольких ты отправил в лагеря, Горин?

Дмитрий открыл рот, чтобы ответить «ни одного невин-

ного», но Ларина несло, он все говорил, говорил, говорил...

– Прости меня за откровенность, но я ненавижу эти флаги. А они везде, на каждом углу. Особенно по праздникам. Меня просто выворачивает от них. Вы даже мой любимый город превратили в цифровой концлагерь. Везде камеры, любой твой шаг анализируют нейросети, районы поделены на зоны, и если у тебя высокий социальный рейтинг, ты ходишь везде, если низкий, только в допустимых пределах и не дай бог сделать шаг на закрытую территорию. А неграждане, те вообще не могут покинуть гетто без разрешения. Мы мечтали о рае, а создали ад.

– Рая без ада не бывает. Тем более всё, о чем говоришь, меры временные и чрезвычайные. Война рано или поздно закончится, сопротивление будет подавлено. Тогда мы начнём строить ту жизнь, о которой мечтаешь не только ты.

Ларин рассмеялся.

– Ты в это веришь? Не думал, что настолько наивный. Или тебе мозги перепрошили?

– Я живу своим умом. В конце концов, в чём ты меня хочешь обвинить? Что я не на твоей стороне изначально? Как знать, может, мы живём ради одной цели, только методы у нас разные. Вы больше болтаете, я – делаю, главное, верю в то, что поступаю правильно.

Горин кривил душой. Не такой он и дурак, чтобы откровенничать с первым встречным. Между тем, о чём он говорил и думал, лежала непреодолимая пропасть. Внутренний

голос, – его вторая половина, он считал её худшей, – подсказывал, что затеянная Лариным игра может оказаться проверкой на лояльность партии. Осторожность в словах не будет лишней.

– Приехали, – подал голос водитель.

Машина содрогнулась всеми железками, когда двигатель заглох. Горин стянул повязку, и некоторое время щурился от яркого солнца. Молчаливый водитель, коренастый азиат в кожаной лётной куртке, закурил, взобравшись на капот. Он беззастенчиво разглядывал Дмитрия без тени презрения или ненависти. Инспектор был для него вроде экспоната из другой, недостижимой жизни. Ларин гремел чем-то в багажнике, – очевидно, там ещё та помойка, – погрузившись в него по пояс. Горин огляделся. На месте, где они остановились, заканчивалась ухабистая дорога. Дальше глухой стеной стоял сосновый лес.

– Где мы? – сказал Горин.

– Здесь наше укрытие, – Ларин захлопнул багажник.

В руках он держал разломанное надвое охотничье ружьё. Азиат спрыгнул с капота, щелчком отправил окурок под колесо, смачно сплюнул и оскалился, не сводя глаз с инспектора.

– Идём на куропаток? – Дмитрий улыбнулся, запустил руки в карманы куртки, с облегчением выдохнул, нащупав рукоятку пистолета. Он беззвучно снял оружие с предохранителя.

– Джамаль, можешь ехать, – сказал Ларин.

Азиат кивнул и сел за руль. Когда машина скрылась из вида, Максим шагнул в Горину.

– Сегодня дичь покрупнее, – сказал он.

Его глаза блеснули азартом. Во взгляде Горин без труда прочёл: убивать – дело привычки.

Модель № 722

– На всякий случай, – пояснил Ларин, вскинув ружье на плечо, – повезёт, проскочим, а нет – придётся отбиваться.

– От кого?

– Увидишь.

Они нырнули в заросли.

День выдался пасмурный, ветреный. Сырой лес, погружённый в грязно-синие сумерки, неровно и глубоко шумел, подпирая льдиристое небо, проглядывавшее в редких разрывах крон. Ларин шёл бесшумной пружинящей походкой тигра, огибая буреломы и низкий кустарник. Это выдавало в нём бывалого охотника. Горина, державшегося след в след, удивила такая перемена. Из разбитного гуляки, отпрыска богатых родителей, опьянённого революционной романтикой, каким он показался Дмитрию в первую встречу, тот превратился в сосредоточенного и хладнокровного воина. От него будто веяло звериной силой. Горин не вынимал правой руки из кармана куртки. Ему было спокойней от мысли, что выстрелит первым.

– Максим, ты мастер интриги. Я только сейчас начинаю понимать, что ты не оставил мне выбора, кроме как оказаться здесь, – прервал он молчание.

– Доверие – не твой конёк, Дима. Бьюсь об заклад, у тебя нет друзей.

– Был один. Погиб. Но сейчас полно приятелей и знакомых.

– И ты никому не доверяешь. Так, чтобы за выпивкой излить душу, и не трястись потом, сдадут или нет.

– Моя работа не предполагает откровенности.

– Дело не в работе, Горин. Дело в человеке и тех, кем он окружён. Если человек вынужден всю жизнь улыбаться всякой мрази, то он и сам рано или поздно становится мразью. Он попросту не замечает, как теряет всё человеческое. И вроде бы живёт, но как марионетка. Только вот кукловода на самом деле нет.

– Интересное у тебя обо мне сложилось мнение.

– Не хотел тебя задеть. Перефразировал Ницше.

– Когда говорят: «не хочу задеть, но...», именно что стараются задеть.

– Как ни крути, мы по одну сторону. Если хочешь что-то знать, задавай вопросы. Но будь готов, я сам многое до конца не понимаю.

– Я хочу знать об «Архитекторе».

– Надеялся, ты расскажешь. Очевидно, не время, – он взял паузу, ожидая ответа, но Горин промолчал, – Ладно. Это

программа.

– Программа? – Дмитрий чуть не подавился, – Будем считать, я удивлён. Но что-то не складывается.

– Месяц назад дал сбой наш центральный компьютер. Диски оказались забиты информацией – набор символов. Для понимания, это сотни терабайт. Мы, понятное дело, запаниковали, что за дерьмо такое. Перепробовали все танцы с бубном, оказалось, не вирус.

– Что же тогда? Инопланетное вторжение?

– Думали и об этом. Но мы реалисты. Наши, в прямом смысле, гении прописали дешифратор. Пришлось изолировать центральный компьютер и заменить его. На нём запустили алгоритм. Ты не поверишь, потребовалась неделя, чтобы вскрыть одно слово.

– «Архитектор»?

– Именно. И ещё кое-что, – он опять помолчал, – точные координаты и время, причём не в прошлом.

– Не тяни кота за яйца, – съязвил Дмитрий.

Ларин, остановившись, обернулся. Он в упор посмотрел на Горина.

– Я, правда, не хочу теревить твои раны. Но «Архитектор» вплоть до секунды указал на время и место аварии, в которую попала твоя жена. Прости, я сочувствую твоей утрате.

– Какого... Какого черта ты делаешь? – прошипел Горин, и стиснул пистолет в кармане.

– «Архитектор» – послание из будущего. Разве не понят-

но? Он назвал твоё имя.

– Какое? Дмитрий Горин? – Дмитрий прыснул со смеха.

– Никомах.

– Что... Откуда ты знаешь?

– Я и не знал. Но ты выходил в «Отражение»... Со мной и моими людьми. Это сложно понять, тем более принять. Но я прошу, доверься. Может, впервые в жизни.

– Дешифратор ещё работает?

– Да. Каждый день мы получаем новые данные.

– Что там ещё? – сказал Горин, готовый выхватить пистолет и выстрелить Ларину в голову. Тот и дрогнуть не успеет.

– Мои друзья ответят на твой вопрос. Кстати, мы почти пришли.

Ларин махнул рукой в сторону, и только сейчас Дмитрий заметил проглядывающий между деревьями бетонный забор, местами покосившийся и оскалившийся ржавой арматурой.

Модель № 648

Они шли вдоль железнодорожной колеи, рыжей лентой тянувшейся до перекошенных ворот полуразрушенного ангара вдалеке, бетонные опоры которого белели, как переломанные кости. С правой стороны в них целилась прогнившими пушками армада танков и бронетранспортёров, колёса которых намертво оплёл кустарник. Земля была усеяна деталями механизмов, обрывками гусениц, скорчившимися ост-

рыми кусками металла, искорёженными бочками из-под машинного масла и мазута, бетонными блоками с торчавшими из них стальными прутьями, обломками кирпича. В высокой цепкой траве запросто можно споткнуться о вмёрзший кусок проволоки или арматуры и порезать руки какой-нибудь железкой. Приходилось смотреть под ноги. За каждым шагом следили слепые глазницы окон. Остовы построек, вздымавшиеся повсюду, походили на восставших из ада чудовищ. Впереди маячила чудом уцелевшая кирпичная труба, упирившаяся в небо. Ветер, казалось, обрёл на пустоши особенную силу. Он набрасывался, едва они выходили на открытое пространство, норовя сбить с ног. Глаза Горина слезились от холодных порывов.

Максим, оставив осторожность, шёл, пиная консервную банку, будто футбольный мяч. Дал пас Горину, но тот сплюснул жестянку ботинком.

– Расскажешь об имени? – Ларину хотелось прервать напряжённое молчание.

– Мой позывной во время спецоперации в Иране, – хмуро ответил Горин.

Ларин присвистнул:

– Десять лет прошло. Что ты там делал?

– Закрытая информация. Вернулся только я. А отправили восьмерых. Будь возможность вычистить память, от этого имени я избавился бы в первую очередь.

– Теперь не получится. Война всегда страшна.

– Страшнее, когда войны нет, но солдаты гибнут на поле боя. Семьям тех ребят объявили, что их отцы завербовались добровольцами, мол, государство их ни о чём не просило.

– И ты простил?

– Мы исполняли долг и знали, на какой риск идём. Об остальном я предпочёл забыть.

Вдали послышался лай.

– Сейчас прибегут, – Ларин остановился, скинул ружьё, снял с предохранителя, – издалека чувят, сволочи. Давай за мной.

Короткими перебежками они добрались до ближайших развалин, взбежали по ступеням наверх, замерли у оконного проёма. Лай послышался совсем рядом. Кусты впереди зашевелились и на пустырь выскочили три здоровенных пса. Через мгновение со всех сторон налетела стая. Звери скулили, клацали слюнявыми челюстями, принюхивались. Чужаки добычу. Горин не разбирался в породах, но таких псов не встречал. Угольно-чёрные, с налитыми кровью глазами, мощными мускулами.

– Твою мать, – вырвалось у Дмитрия, – Что они жрут?

– Говорят, их специально выводили для охраны режимных объектов. Бешеные твари. Расплодились тут...

Ларин протяжно свистнул. Псы вскинули головы и зашлись лаем, разбрызгивая пену слюны.

– Голодные, – Ларин усмехнулся. Он вскинул двустволку. В ушах Горина зазвенело от выстрела, в нос ударил кислый

запах пороха. Ухнуло ещё раз. Ларин переломил ружьё, выбросил две гильзы, вставил патроны.

– Пошли, – его крик дошёл до Горина как сквозь вату.

Через несколько секунд слух вернулся Дмитрию. Несколько собак скулили, остальные неистово лаяли.

– Ты идиот? – крикнул он на Максима, когда они перебежали замусоренный зал, свод которого поддерживали прокопчённые рёбра арочных опор, – зачем свистел?

– Они и так нашли бы нас, – сказал Ларин; тут какая-то тварь залаяла, и лай гулко разнёсся по пустому зданию, – уже здесь. Быстро сообразили.

Они ускорили шаг. Добравшись до металлической лестницы, петлявшей с торца здания, спустились вниз. Ларин выстрелил навскидку. Выскочившая из-за угла псина, заскулила и затихла. К ней бросились ещё штук пять. Максим опять нажал на спуск. Вновь попал. Собаки затоптались на месте в нерешительности. Мужчины бросились бежать. До следующего здания оставалось метров пятьдесят. Исчадия ада кинулись вдогонку. Ларин, не глядя, сделал два выстрела. Обе пули легли в цель. Псов это задержало.

Им хватило времени, чтобы добраться до нового укрытия. Дверь в здание оказалась заварена. Дмитрий и Максим прыгнули в высокий проём окна. В полумраке цеха, казавшегося бесконечным, угадывались очертания десятков танков со снятыми башнями. Одна такая бандура висела на цепях под сводом. Впереди маячил резко очерченный светлый прямо-

угольник – выход. Они побежали со всех ног. И тут в проёме вырисовалась фигура четвероногой твари. Ларин остановился, перезарядил ружьё.

– Патрон последний, – сказал он, захлебнувшись вздохом.

Горин шагнул назад, под ногой гулко звякнул обрезок трубы. Он поднял его, готовый отбиваться от взбесившихся собак.

– Надеюсь, знаешь, что делаешь, – сказал он Ларину.

– Не всегда, – ответил тот.

В проёме замелькали тени.

– Давай наверх, – Ларин рванул с места и проворно вскарабкался на обезглавленный танк. Горин прыгнул следом. И вовремя: собаки с оглушающим рёвом бросились к ним.

Но произошло нечто странное. Не пробежав и пяти метров, псы поприжали уши, заскулили, и обратились вспять. Послышался далёкий шум мотора.

– Сегодня нам повезло! – Ларин с хохотом спрыгнул. За стенами протрещали автоматные очереди, слышались голоса. Максим протяжно свистнул. Горин сел на броню. Сердце бешено колотилось.

– Они бы разорвали нас, – проговорил он.

– Да, точно. Я видел, как бывает. С тех пор мы не суёмся сюда без оружия.

– Патронов надо брать больше, – процедил Горин сквозь зубы.

– Ты бы тоже мог достать ствол, – он, широко улыбнув-

шись, похлопал по карману куртки.

– Приберегу, – огрызнулся Дмитрий.

Модель № 847

Когда они вошли в просторную светлую комнату, человек, сидевший в кресле напротив окна, повернулся. Горин замер от неожиданности. Кольцев!

– Александр Георгиевич? – Дмитрий не поверил глазам, голос дрогнул.

Это казалось невозможным. Он стоял напротив учителя, наставника, единственного друга, – да, Ларин прав, – бесследно исчезнувшего больше десяти лет назад. Призрак, сон? Мысли перемешались.

– Понимаю, я – последний человек, которого ты ожидал здесь увидеть.

– Я думал, вы погибли...

– Иногда нужно умереть, чтобы стать другим.

Кольцев жестом показал удивлённому Ларину оставить их наедине.

– Но почему? Вы были лучшим, – сказал Дмитрий, когда Максим вышел.

– Я устал врать, – он поднялся, подошёл к Горину и крепко обнял его, – присядь. Нужно многое тебе рассказать.

Пока Кольцев наливал чай, Горин не сводил с него взгляда. Казалось, время не властвовало над этим человеком. Несмотря на пепельные волосы, каждое его движение оста-

валось наполненным силой и мощью, одним словом – глыба. А этот густой, чуть с хрипотцой голос, – просто смерть бабам.

В своё время Кольцев по известной только ему причине выделил Горина из почти двух сотен офицеров первого курса академии, разглядел в нём нечто такое, что предопределило их дружбу на долгие годы.

– Мне не хватало вас, – признался Горин.

Чай оказался зелёным, – Дмитрий терпеть его не мог, – но будь в чашке хоть кипяток, не заметил бы, ни вкуса, ни запаха, замороженный кумиром, так внезапно вернувшимся в его жизнь.

– Ты хорошо усвоил мои уроки. Сделал блестящую карьеру, тебе есть чем гордиться. Учителя должны вовремя отпускать учеников.

– Но не так. Вы просто исчезли. Я похоронил мать, отца, жену, сына, вас...

– И ты выстоял.

– Вопрос, какой ценой. Я как будто не существую.

– Сильные люди подвергаются порой тяжёлым испытаниям, и те, кто выдерживает, поистине несокрушимы. Как говорил Сенека, ни одно зрелище не доставляет столько удовольствия богам, как вид высшего человека, сражающегося с обрушившимися на него несчастьями, лишь это позволяет ему познать свою силу.

– Только достойных людей следует посылать на самые

опасные позиции и доверять им исполнение наиболее сложных заданий, трусливых и слабых же лучше оставлять в тылу. Тоже он.

– Блестяще! Не терял времени даром. Сильные нужны сейчас, как никогда. Поэтому не будь мальчишкой. Не время для эмоций.

– Значит, за Национальной освободительной армией стоите вы?

– Отчасти. Я тебе скажу так: НОА – миф.

– Не понимаю.

– Всё понимаешь. Пока партия борется с мнимым сопротивлением, прилагая невероятные усилия, мы в безопасности и делаем действительно важные вещи.

Горин поставил опустевшую кружку на столик рядом с диваном, на котором сидел. Кольцев устроился на простом офисном стуле, опёршись локтем на край стола. Дмитрий помнил: в такой непринуждённой позе тот любил читать лекции. Значит, разговор будет долгим.

– Что же важно, полковник? – сказал он.

– О, не называй меня так, – рассмеялся Кольцев, и тут же посерьёзnel, – звания из другой жизни. Думаю, Ларин ввёл тебя в курс дела. Положение серьёзное, Дима. Речь идёт уже не столько о стране, сколько о выживании всех нас, сохранении самого разума.

«Когда партия пришла к власти, я был молод, быстро пе-

рестроился. Поверил им. Но всё довольно скоро встало на свои места. Противоречия накладывались на противоречия, и стало очевидно: рано или поздно этот нарыв вскрыется. Так и случилось. Страна ввязалась в несколько военных авантур, преследуя интересы небольшой группы людей с довольно тёмным прошлым, экономика обрушилась, мир, за редким исключением, ополчился против нас. Но страшнее оказалось то, что они натворили внутри страны: железный занавес, враги нации, тотальный контроль, разделение на граждан и не граждан, чистки... Что я рассказываю, ты всё знаешь. Те немногие, кто осмелился выступить против беззакония, сгинули в лагерях или казнены. Как понимаешь, долго убеждать себя в том, что так и должно быть, что вот-вот настанет новая счастливая жизнь – невозможно.

Нет ничего хуже, чем каждый день предавать себя. Я ушёл в никуда. Мне не дали бы жить. Ты или с ними до самой смерти, или против них. Пришлось умереть. Я и мои помощники инсценировали аварию. Машина пробила ограждение на мосту и упала в реку. Так меня не стало. Возродившись под другим именем, – поверь, чем авторитарней государство, тем больше в нём возможности делать что-то в обход закона, – я задействовал старые и надёжные каналы, чтобы создать фантом Национальной освободительной армии. По существу, безобидная организация, власть сама создала из неё демона. Мы же обосновались здесь и нацелились бороться с настоящим злом. К тому времени НОВА подмяла под се-

бя всё: от железных дорог до геной инженерии. Поистине безграничные интересы, власть и жадность. Открою тайну: корпорация управляет страной, а не партия.

Эксперименты НОВА с «Отражением» начинались как коммерческий проект. Довольно банальная, но красочная и убедительная виртуальная реальность. Они пошли дальше. Им удалось добиться невозможного – оцифровать сознание человека и запустить его в цифровой мир-модель – «Отражение два ноль». Они хотели создать новый аттракцион, гипервиртуальность, но случилось непредвиденное. Исследовательская группа обнаружила в одной из моделей выход в неизведанное, – другое измерение, квантовый мир или ад, – не важно, как назовёшь.

НОВА столкнулась в новой вселенной с некими условно живыми, возможно даже обладающими сознанием, сгустками антиматерии – «Странниками». Смертельно опасные создания. Они убивают не только цифровую копию сознания человека, но и разрушают его биологию. Последствия встречи с ними ужасают: через лаборатории корпорации прошли сотни людей, большая часть погибла, многие сошли с ума.

Военные вцепились в «Странников» мёртвой хваткой. Они увидели в них совершенное оружие: непобедимое, невидимое, смертоносное, может быть доставлено в любую точку пространства. Впечатляет, правда? Единственная проблема: как его оттуда выманить. НОВА решила и эту задачу. Она близка к тому, чтобы сделать фантазии военных реаль-

ностью. Но никто не может контролировать «Странников». Они существуют по своим законам, о которых мы и понятия не имеем. У нас нет ни слов, ни формул, ни знаков, чтобы их описать. Мы пытались остановить безумие. Развязали партизанскую войну в зазеркалье. Но силы не равны.

У нас появилась надежда – «Архитектор». Можем только предполагать, что это: биоморфный нейропроцессор из очень далёкого будущего, сам господь бог – не знаю. Мы работаем над расшифровкой кода. Нам открылась ничтожная часть информации, но она поражает. «Архитектор» с точностью до секунды предсказывает будущие события, он же говорит, что как только первый «Странник» окажется на свободе, миру придёт конец.

Как понимаешь, другая вселенная оказалась неприветливой. И кто-то там будто ждал того часа, когда мы откроем дверь. Нечто пробудилось и рвётся сюда, а НОВА расчищает путь. Мне страшно осознавать, но «оттуда» нас словно подталкивали к последнему изобретению – «Отражению». Кто-то задал вектор прогресса, чтобы подвести человечество к краю пропасти. Ощущение такое, что в нас ещё на заре цивилизации заложили самоисполняемую программу. Если так, нет никакой воли, есть заданные условия. Мы против такого положения».

Модель № 062

Дмитрий и Максим поднялись по металлической лестни-

це наверх. Горин перегнулся через перила – высоко. Не угадать, что здесь делали раньше: изнутри здание походило на сборочный цех, может, отсюда выгоняли готовую технику, кто его знает. Было чисто, насколько слово применимо для заброшенного завода.

– Как ты? – глухо донёлся голос Ларина.

Горин обернулся. Того рядом не оказалось, он возился в комнате за скрипучей дверью. Дмитрий вошёл в полумрак клетушки, огляделся. Обстановка спартанская: железная кровать, тумбочка, деревянный стул в углу, тусклое оконце. Ларин сидел на краю кровати. Горин опустился на стул, потирая виски.

– Голова раскалывается.

– А Кольцев хитёр. Никто и не подозревал, что вы знакомы.

– Похоже на хреновый сон.

– Есть версия, что все мы спим, а за пределами сна – земля обетованная.

– Думаю, там просто очередное дерьмо, в котором мы должны будем выживать.

– Тебе нужно отдохнуть. Завтра представлю команду, с тобой будут лучшие из лучших. Прости, вот всё, что могу предложить, – он обвёл комнату взглядом, – зато тихо, никто не потревожит.

Ларин бодро подскочил, кровать взвизгнула пружинами.

– Во что ты меня втянул? – сказал Горин, когда Максим

перешагнул порог.

– В реальный мир, – он молодецки рассмеялся.

Когда его шаги стихли в тёмной глубине здания, Горин для надёжности подпёр дверь стулом. Кольцеву он, безусловно, доверял, но прошло десять лет, кто знает, что в нём изменилось. Он проверил обойму пистолета – полная, – бросил оружие под подушку, лёг. Постельное бельё пахло душистым мылом. Как ни крути, за чистотой здесь следили. Оказалось, он совершенно обессилел, тело налилось свинцом, и он не смог пошевелиться, роившиеся мысли угомонились. Горин не заметил, как провалился в сон.

Ему снился неизвестный, что стоя на краю обрыва, вглядывается в океан. «Я последний человек», – твердит неведомый голос. Неизвестный делает шаг, и через мгновение не остаётся ничего, кроме буйных плясок волн. «Имя моё Никоммах», – доносится растворяющийся в седине неба голос.

Модель № 764

«Никоммах», – громыхнуло эхо. Горин рывком сел на кровать, и некоторое время озирался, соображая, где он очутился. Память вернулась быстро. Нет, сумасшествие, подумал он, пытаюсь придать логику вчерашним событиям. Ни воскрешение Кольцева, ни «Архитектор», ни эксперименты НОВА не укладывались в голове. Казалось, кто-то погрузил его в сон, где калейдоскопом прокручиваются бессвязные сцены из разных жизней, а он только наблюдает за их безум-

ным танцем. Может, это и есть реальный мир, вспомнил он слова Ларина.

Тут послышались гулкие шаги. Горин спрятал пистолет за пояс, правда, скрывать оружие не имело смысла, но пока лучше с ним, бесшумно убрал баррикаду из стула и сел на кровать. Раздался громкий стук, дверь с визгом распахнулась. На пороге возник Ларин.

– Доброе утро, – приветливо сказал он, – нам пора, все уже в сборе.

– Рано вы начинаете день, – ответил Горин.

– Какой там! Десять часов, мой друг.

Горин присвистнул. Даже в редкие выходные он не позволял себе просыпаться так поздно. Ларин будто уловил его мысли:

– Зато выспался, – сказал он.

Дмитрий не ответил, но согласился. Он не помнил, когда отдыхал последний раз, теперь же чувствовал себя заново родившимся.

После десяти минут плутания по лестницам, коридорам и переходам, они вошли в светлый просторный зал, сохранивший обстановку заводской столовой. Пахло едой. Горин почувствовал, что голоден. Столы пустовали, только за перегородкой из стеклоблоков маячили силуэты, и слышался смех. Их оказалось трое: рыжеволосая девушка, её без преувеличения можно было назвать милой, коротко стриженный блондин лет двадцати пяти и крепко сложенный хмурый па-

рень немного за тридцать. Все разом смолкли, когда Максим и Дмитрий подошли.

– Вот и наша спящая красавица, – громко сказала рыжая. Парни загоготали.

– Тишина, – без резкости скомандовал Ларин.

Дмитрий отметил третью метаморфозу Максима: капитан команды, которому беспрекословно подчинялись, но не из страха, а доверия.

Горин не рассчитывал на тёплый приём.

– Красавиц здесь я не вижу, – сказал он твёрдым голосом.

Подлый удар, рыжая поджала губы.

– Эй, – воскликнул блондин, глядя на неё, – а он тебя уделал.

Парни прыснули от смеха. Рыжая взяла со стола пачку сигарет и закурила, глядя на Дмитрия, словно хотела прожечь в нём дыру.

– Итак, – деловито начал Ларин, – мы пользуемся здесь позывными. Это Ева, – он указал на девушку, та хмыкнула в ответ, – Птаха, – блондин поднялся, пожал руку Горину, – он будет контролировать выход в «Отражение». Рига, – крепко немного подался вперёд и приветственно поднял руку, Горин кивнул, – ну, и наш герой, – Ларин указал на Дмитрия.

– Сам Никомах, – с неподдельным восхищением воскликнул Птаха.

– Все поели, тебе оставили, – сказал Рига, ткнув пальцем в сторону тарелки, наполненной до краёв разваренным ри-

сом, – готовила Ева. Это единственное, что она умудряется не спалить.

– Да ты не охренел ли? – Ева навела на него огонёк тлеющей сигареты.

– Прости, но готовишь ты отвратно, – беззлобно засмеялся Рига.

– Я вам не кухарка, – огрызнулась Ева.

Она воткнула окурок в пепельницу и откинулась на спинку стула, скрестив руки на груди.

– Шутка, – пояснил Рига, – завтрак закончился, но она решила тебя накормить.

Горин отделался коротким «спасибо» и принялся за еду. Рису не хватало соли, но к чёрту, Дмитрий радовался и этому.

– Ты забыл назвать свой, – сказал Дмитрий Ларину.

– Ларс, – ответил тот, – Утром с ребятами обсудили план. Схема отработанная. Прибываем в базовую модель, оттуда в «нулевой». Затем мы переправим тебя в обитель «Архитектора». Правда, никто там не бывал. Ева найдёт портал. Она их чувствует, кстати, «Странников» тоже. Рига – силовое прикрытие. На всё про всё полчаса, больше наши сенсорамы не выдерживают. Для тех, кто по ту сторону, времени достаточно.

– Как вы протащите туда оружие? – сказал Горин, отодвинув пустую тарелку.

– Я пропишу, – отозвался Птаха.

– Лучше расскажи нашему гостю, куда мы пойдём, – сказал Ларин.

Глаза Птахи тут же загорелись.

– Сейчас начнётся, – проворчала Ева.

– Мы покажем настоящее «Отражение», не из рекламы НОВА. Едва ли в корпорации до конца осознают, какое открытие сделали. Мы имеем дело с проявлением Эвереттовских миров – альтернативными Вселенными. Да, ты не ослышался, их огромное количество. Существует множество параллельных и равноправных воплощений физической реальности. Это единый квантовый мир, представляющий собой набор бесконечного числа возможных состояний. Он расслаивается на классические проекции, в которых находятся наблюдатели, то есть мы. Я думаю, мир, в который вам предстоит погрузиться – и есть настоящая реальность, породившая фантом нашего мира. То есть мы существуем в модели. Но не в одной из программ НОВА, а в огромной, охватывающей всё доступное нам пространство и время. Самое важное следствие из бесконечного числа миров заключается в том, что всё уже произошло, и будет происходить бесчисленное количество раз. Поэтому мы бросили все силы на расшифровку послания «Архитектора». Ведь там содержатся знания о модификациях вероятностей альтернатив.

Понимаешь, существует несколько версий мультивселенной. Я согласен с тем, что пространство-время плоское и тянется бесконечно, оно повторяется в какой-то момент, пото-

му что количество способов, каким частицы расположены в пространстве-времени конечно. Видимый размер наблюдаемой Вселенной составляет тринадцать целых семьдесят пять сотых миллиардов световых лет, – радиус Хаббла, – поэтому пространство-время за пределами этого расстояния можно считать отдельной вселенной. И так далее. Гигантская мозаика миров. Будь у нас возможность охватить взглядом это пространство, мы бы увидели множество копий самих себя в различных модификациях реальности. Представь себя в зеркальной комнате, где отражения такие же субъекты, как и ты. Они мыслят, чувствуют, существуют.

Если исходить из того, что квантовый мир – реальность, а наш является его отражением, или фантомом, я не исключаю, что настоящее «Отражение», может, стоит называть его «нулевое пространство» – базис, реплицирующий множественные и не изолированные при этом вселенные. Я не удивлюсь, если всё происходящее сейчас – лишь модель.

Птаху не перебивали, но команда приуныла от обилия слов. Горин же слушал с неподдельным интересом. Он вспомнил, что видел его в баре «У Грасо». Тот самый студент.

– Кто же создал нашу модель? – сказал он, едва Птаху закончил.

– Некто очень могущественный, – развёл тот руками, – никто на планете не имеет ресурсов для такого.

– Когда будет расшифровано послание?

– Потребуется десятки лет, но если всё получится там, в параллельном мире, мы сможем получить ответы на вопросы гораздо раньше. Может, это и будет наше спасение.

Ларс поднялся из-за стола.

– Пора готовиться. Ева, покажешь гостю, где у нас что, – сказал он.

– Почему я? – возмутилась та.

– Потому что вам нужно найти общий язык. Постарайся быть добрее. Через час начинаем.

Модель № 496

Шаги гулко разносились по светлому переходу, соединявшему столовую и административный корпус. Ева курила на ходу, сбивая пепел на пол, покрытый толстым слоем облупившейся зелёной краски и штукатурки. Должно быть, шёл ремонт, или просто оставили, как есть. Горин шёл следом, разглядывая в широких окнах окрестности завода. Пейзаж так себе: редкие чахлые деревца, кусты, ряды бронетехники, искорёженные здания с прокопченными стенами. Видимо, когда-то мародеры выжигали медь из кабелей, изоляция которых чёрными змеями свешивалась из оконных проёмов.

– Извини за неудачную шутку, – нехотя проговорила Ева.

– Я тоже погорячился, – сказал Горин.

– Все немного нервничали, когда узнали про тебя.

– Я настолько известен? Не скажу, что это меня радует.

Почему с нами не было Кольцева?

Ева пожала плечами:

– Мы не так часто его видим. Он что-то вроде гуру. Здесь всем заправляет Ларс, – она толкнула дверь, – добро пожаловать в будущее. Ствол придётся сдать на входе.

Глянув вниз с открытой галереи, Горин присвистнул от удивления. По освещённому прожекторами залу, где легко уместилась бы половина футбольного поля со всеми скамейками запасных, сновали десятки людей в рабочих комбинезонах. Пространство рябило от мерцания экранов компьютеров и гирлянд индикаторов приборных панелей. В центре на помосте стояли кругом пять саркофагов сенсорам, оплётённых толстыми кабелями. Между ними из-под нагромождения мониторов терминала проглядывала бритая макушка Птахи.

– Вы здесь ракеты в космос запускаете? – сказал Горин, не скрывая удивления.

– В чём-то «Отражение» и космос похожи, – ответила Ева.

Они спустились по витой лестнице. Никто не обращал на Горина внимания. Видимо, слова «все немного нервничали» относились только к Еве, подумал он. С чего бы? Ответа не нашлось. Они взошли на помост к сенсорам.

– Сейчас все аппараты заняты, – сказала Ева, кивнув на серебристые ящики, где на контрольных панелях мерцали красные индикаторы, – наши вышли на разведку. НОВА сегодня совершила пятнадцать запусков, видимо, ищут «Странников».

– Может, очередной Митичев развлекается?

– У коммерческих выходов другая кодировка. Эти за пределами программных моделей.

– Странно, что вас ещё не засекли.

– Наши фантомные серверы разбросаны по всему миру.

Нам нечего опасаться, если, конечно, никто не сдаст, – она покосилась на Горина, – но мы привыкли доверять тем, кто приходит сюда. Случайных людей здесь нет.

– Не самая разумная позиция, но, видимо, работает. Горин прикоснулся к одному из аппаратов. Он представил холод алюминия, одёрнул руку.

– О, вы уже здесь? – крикнул Птаха. Не снимая наушников, он привстал, чтобы его лучше видели из-за мониторов, – там жёсткий замес.

Зуммер сенсорами возле Горина заверещал, внутри машины щёлкнули замки. Дмитрий и Ева отскочили, к аппарату ринулись люди. Явно что-то пошло не по плану. Человек внутри истошно закричал, как только крышка отъехала в сторону. Его подхватили на руки и усадили на край сенсорами. Им оказался юноша с длинными вьющимися волосами. Он отчаянно вырывался, выкрикивая проклятия и глядя на собравшихся глазами, полными безумия. Ева шагнула к бедолаге, обняла его за плечи. «Всё хорошо, ты жив, ты дома», – шептала она, до тех пор, пока взгляд пленника её рук не просветлел.

– Черт! Я никогда к этому не привыкну, – наконец, про-

хрипел он.

Встав на ноги, он, пошатываясь, дошёл до хромированных поручней помоста и повис на них, как боксёр на канатах после пропущенного удара. Подоспевший врач помаячил перед его глазами фонариком, они перебросились парой фраз и доктор ушёл.

– Ну, ты и орать, Лис, – засмеялась Ева, – мы чуть не обделались.

– Эта тварь вылезла в метре от меня, – срывающимся голосом сказал юноша, – я думал, мне конец.

– НОВА, вы видели их? – насела Ева.

– Да, один из солдат подстрелил меня. Мы вышли в третий сектор. Их там как грязи.

– Солдат?

– И солдат и «Странников».

– Но «Странники» раньше там не появлялись.

– Я не удивлюсь, если скоро они и сюда потянутся, – вмешался Птаха.

– Надеюсь, нет, – Ева оставила в покое мальчика и обернулась к Горину, который не сводил с неё взгляда, – ведь с нами пойдёт сам Никомах.

Лис встрепенулся.

– Тот самый? – воскликнул он.

– Тот самый, – нахмурился Горин.

– Удачи вам, – Лис усердно потряс руку Дмитрия, – всё, я на сегодня отстрелялся, – объявил он собравшимся, – до-

ложусь начальству и спать.

Пока тот спускался под аплодисменты в зал, Горин думал, стоит ли ему рисковать, – очевидно, сенсорама запросто превратится в гроб, – только из-за послания какого-то «Архитектора»? Нет, он не верил во второе пришествие спасителя. Всему должно быть рациональное объяснение. Но объяснения не находил. На войне есть задача, есть враг. Задача должна быть выполнена, враг уничтожен. Всё просто. А здесь-то что? Виртуальная бойня во имя спасения человечества? Моя дочь всё ещё жива, подумал он, неожиданно поняв, что оторвался от реальности, оставленной за стенами полуразрушенного завода, ставшего опорной базой сопротивления. Она не вспомнила...

– Что случилось? – голос Евы вырвал его из потока мыслей, – ты в лице переменялся.

– Ерунда, – отмахнулся Горин.

Модель № 837

– Всё, остыли! – крикнул Птаха, – можно загружаться.

Прошло полчаса с того момента, как все сенсорамы открылись. Истерики Лиса никто не повторил, видимо, парню не повезло больше всех. Птаха вился вокруг Горина, помогая ему облачиться в антистатический костюм. С чего бы вдруг? Нашёл благодарного слушателя? Дмитрий не стал развивать мысль, сосредоточившись на застёгивании прорезиненных молний и заклёпок. Какой извращенец такое придумал, ру-

гался он про себя.

Ларин, уже готовый к выходу, похлопал в ладони. Все обернулись. Он сказал едва ли не торжественно:

– Друзья, второго шанса не будет. Делаем всё чётко, быстро и возвращаемся домой целыми и невредимыми.

– Почему не будет второго шанса? – шепнул Дмитрий Птахе.

– Всё из-за «Архитектора». Портал, то есть путь к нему будет открыт строго определённое время. Ева найдёт его. Дальше по обстоятельствам.

Горин выругался шёпотом.

– Какие-то ещё сюрпризы есть?

– Думаю, их полно. Но мы пока не знаем. Кстати, не против, если назову свой алгоритм твоим именем?

– Тот, что расшифровывает? Ты его написал?

Горин пожалел о вопросе. Птахе понесло.

– Говорят, Маргарет Гамильтон, ведущий инженер-программист проекта «Аполлон», в шестьдесят девятом двадцатого века вручную написала код, который использовался для доставки человека на Луну. Получилась стопка бумаги примерно в твой рост. Но, думаю, там команда потрудилась, конечно. Я работал один. Мой код в пятьсот раз длиннее и сложнее. Я даже не представляю, что будет, если его распечатать. Тут все завалит бумагой, – он сопровождал Горина до капсулы сенсорама, – иногда эти ящики барахлят, в таком случае всё просто подвисает, но я здесь и справлюсь с этим

за секунды. Хотя, косяки бывают редко. Итак, ты заезжаешь туда, – он показал внутрь, – мы цепляем оборудование, оно стыкуется с сенсорамой и делает полную и точную цифровую копию твоего сознания. Объёмы памяти у нас теперь такие, что можно фильмы в высоком качестве крутить три тысячи лет. Ощущения при стыковке неприятные, но скорее всего ты отрубись. Так всегда бывает в первый раз. Когда очнёшься, очутишься в другом мире. Но не паникуй. Всегда помни о руках. Звучит странно, понимаю, но работает. Есть проблема, смотрим на руки. Нужно выйти к остальным. Первичная территория не опасна. Каждая модель – вариант блок-вселенной. Время там сплетено. Его в принципе нет...

– У него сейчас мозги закипят, – Ева хлопнула Птаху по плечу так, что тот пошатнулся, – давай уже запускай моторы, гений.

– Всем удачи. Встретимся по ту сторону! – крикнул Максим из глубины капсулы.

– Помни про руки, – сказал Птаху, когда Горин лёг в аппарат.

Крышка бесшумно закрылась. Его поглотила крошечная тьма. Через секунду заработала подача кислорода. Горин постарался считать: на четыре секунды – вдох, на четыре – выдох. Сердце колотилось рваным ритмом, спина вспотела, а по ногам прошёл холодок. Не стоило ввязываться, – едва он подумал об этом, сенсорамой мелко завибрировала, как старая стиральная машина, платформа, на которой он лежал,

пришла в движение, и через секунду он почувствовал, что его голову начало что-то сдавливать. Он попытался крикнуть, но в эту же секунду его пробил электрический ток. Горин потерял сознание.

Модель № 982

Грязный матрац лежал поверх сетки железной кровати с набалдашниками в изголовье, покрытыми оспинами ржавчины. Комната походила на выпотрошенную помойку. Из мебели – шаткое деревянное кресло и шкаф с зеркалом со слезшей по краям амальгамой. На полу истёртый и пошедший пузырями линолеум. На окне без стекла от сквозняка качалась линиялая штора.

Пора убираться отсюда. Дождь давно закончился. Он поднялся с кровати, свернул спальник, расстеленный на полу, оделся перед зеркалом, погладил ладонью выбритый подбородок – повезло на новую бритву и кусок мыла! Так бы ещё месяц ходил с бородой. Еды в доме не нашлось, а припасы на исходе.

Он не помнил своего имени, и как его занесло в город. За время скитаний ему не встретился ни один человек. Никто не выжил? Бежали? Почему тогда он остался? Вопросов больше, чем ответов. Попытки хоть что-то вспомнить, наталкивались на непреодолимую преграду. Казалось прошлое – пустота, белый шум. Только изредка в глубине сознания вспыхивало нечто вроде догадки, но стоило до неё потянуть-

ся, как она меркла.

В последний раз наваждение пришло, когда он обследовал парк. Взобравшись на проржавевшее колесо обозрения, на самый верх, где ветер раскачивал открытые кабинки, он до темноты глядел на всё ещё дымные руины, представляя город до катастрофы. Внезапно воздух взорвался звуками, здания сбросили морок разрушения и заиграли красками. Он увидел, как наяву: и автомобили на автострадах, и баржи, скользящие по изгибам реки, и отблески солнца в окнах, но главное – тысячи людей на улицах, – снизу до него долетали отзвуки разноголосицы. Он принялся что-то искать взглядом поверх крыш, нечто такое, за что можно зацепиться и вырвать из преисподней ответ на немой крик «Кто я?». И тут же его оглушила тишина. Только неровно скрипела, раскачиваясь от порывов ветра, железная кабина.

Он решил обследовать тот район, где видел с колеса обозрения чёрный обелиск одного из чудом уцелевших небоскрёбов. Взгляд как-то особенно задержался на нём. Может, там найдутся ответы. Два дня пришлось просидеть в вонючей норе из-за дождя, от которого на коже появлялись зудящие струпья. Потерял время. Хотя, звучит странно. Когда нет прошлого, время не имеет значения.

Он пересёк сумрачный двор. Холодный ветер принёс пепел, посыпавший крупными хлопьями, – на окраинах вспыхнули пожары. Чему ещё гореть? Оказавшись на широком проспекте, он посмотрел на затянутое облаками и дымом

небо, пытаясь определить, в какой стороне взошло солнце. Идти предстояло на восток, без надёжного ориентира легко сбиться с пути. С досады тряхнул головой, – сквозь плотную завесу пробивался только мутный свет, – и зашагал к реке. Так дорога выйдет раза в два длиннее, но не заплутаешь среди кварталов.

У заваленного входа в метро попался зажатый бетонными плитами автомобиль, почти не тронутый огнём. Он заглянул в салон, дотянулся до бардачка, пошарил среди мусора. Рука что-то зацепила. Увидев находку, он присвистнул. На ладони лежал полный коробок спичек. Потряс им, как маракасом, и спрятал в карман. В последние дни везло на такие мелочи. Не найдя ничего больше, он оставил автомобиль и двинулся к маячившей впереди покосившейся вывеске продуктового. В руинах больших торговых центров делать нечего, всё или сгорело, или похоронено под завалами, а в маленьких лавках, разбросанных по дворам, ещё можно чем-нибудь поживиться.

Магазин оказался больше, чем представлялось, целый лабиринт из полок. Внутри пахло гарью и тухлятиной, под ногами хрустело битое стекло. Спасаясь от вони, он закрыл нос локтем, свободной рукой обшарил полки. Во мраке, от теснённого полоской света у входа, приходилось крутить перед глазами находки, определяя пригодность. Чем дальше он продвигался, тем очевидней становилось – всё сгорело. У холодильников, источающих тошнотворный запах испор-

ченной рыбы и мяса, он наткнулся на брошенную в проходе коробку, набитую банками. Вывернул её, консервы с шумом высыпались. Он вынул из ботинка нож, вскрыл первую попавшуюся банку, понюхал. Да, удача не отвернулась.

Набив рюкзак под завязку, он выбрался на дорогу. Желудок с самого утра сводило от голода. Усевшись на ступени магазина, он принялся зачерпывать ножом и жадно глотать куски ветчины. Когда банка опустела, с сожалением вспомнил о спичках. Можно было развести огонь, подогреть. К чёрту. И без того лучшая еда за последнее время. Он смял рукой жестянку, откинул в сторону. Пора идти.

Не успел он сделать и пары шагов, как увидел тень, мелькнувшую рядом с остовом повалившегося на бок грузовика. Это не зверь, что-то... Маленький мальчик бросился к разбитой многоэтажке, скалившейся небу лестницами, юркнул мышонком по груде обломков на второй этаж.

– Стой!

Скинув с плеч рюкзак, он побежал вдогонку. Вскарabкавшись наверх по обсыпающейся куче кирпича в квартиру, он прислушался. Тихо.

– Где ты? – позвал он. От мальчонки и след простыл.

Он взбежал на последний этаж, заглянул за каждый обломок стен. Никого.

– Эй! – позвал он, – где ты?

Никто не отозвался. Он сплюнул с досады.

Так бывает, думал он на обратном пути, когда долго один,

померещиться может всякое. Рюкзака на месте не оказалось. Он огляделся, по спине пробежал холодок. Не хватало столкнуться с бандой мародёров. В руках блеснул нож.

– Выходите! Я знаю, что вы здесь! – крикнул он.

Обернувшись, он увидел рыжеволосую девчонку. Замшевая куртка с воротником-стойкой, потёртые свободные докерские штаны с накладными карманами, ботинки с побитыми носами, волосы, собранные в упругую косу, острый взгляд, направленный через прицел винтовки.

– Стой, где стоишь, – сказала рыжая.

– Я не хочу неприятностей, – он медленно поднял руки, тут ножом не отмашешься.

– Ещё бы! – прикрикнула та, – у тебя совсем мозги спеклись?

– Я ищу мальчика, он прячется где-то здесь.

– Твою мать! Очнись уже. Моё имя Ева. Помнишь?

– Ева?

– Мы ищем тебя.

Вот шанс!

– Да, да, вспомнил... Ева..., – он постарался изобразить улыбку.

Девчонка опустила винтовку и подошла. Он рывком сбил её с ног и прижал к земле.

– Я же сказал, что не хочу неприятностей.

Полотно ножа коснулось её горла.

– Урод! – прохрипела она, – мы в «Отражении».

– Лучше заткнись.

Она ударила его коленом между ног. К подлому девичьему приёму он оказался не готов. Его хватка ослабла, он сам того не желая, привстал. Рыжая только того и ждала. Она вцепилась в его руку с ножом, изогнулась как кошка, и обвила шею ногами. В его глазах потемнело. Надо же так запросто попасться! Она скорчилась, усилив хватку. Через мгновение он отключился.

– Эй, ты живой?

Он открыл глаза и увидел перед собой рыжую. Драная кошка пристально глядела на него. Рядом с ней стоял его рюкзак. Воровка! Он дёрнулся, но руки и ноги крепко стягивала верёвка.

– Вообще ничего не помнишь? – сказала она с ехидной ухмылкой.

– Кто ты? – его голос хрипел. Ещё бы после такого удушения!

– Я Ева. Вспоминаешь? Птаха же говорил, вспомни про руки.

Птаха? Руки? Ева? Его сознание разорвалось белой вспышкой, в памяти понеслись бессвязные фрагменты, которые слились в единый бурный поток, пробивший стену памяти, за которую он безуспешно пытался пробиться. От ослепившей головной боли он повалился на бок. Девушка подхватила его и помогла сесть. Хрупкость её белокожего тела ока-

залась обманчивой.

– Имя своё хоть помнишь?

– Никомах, – неуверенно выговорил он. Боль отступила.

– Так-то лучше.

Она разрежала верёвки и подала ему клинок рукояткой вперёд. Он спрятал оружие в ботинок. Там ему и место.

– Как тебе удалось свалить меня? Я же за восемьдесят.

Он, потёр горло и откашлялся.

– У меня богатый опыт отваживать мужиков и пурпурный пояс по джиу-джицу. Вес не всегда имеет значения.

– Надо будет с тобой позаниматься. Как-то я потерял сноровку на сидячей работе.

– Может быть когда-нибудь. Пошли. Парни уже заждались. До следующего моста километров пять. Этот может рухнуть от твоих восьмидесяти.

Она подала руку, чтобы он поднялся. В ногах ещё чувствовалась слабость.

– Прости, что набросился на тебя, – Никомах закинул на плечи рюкзак.

– Не парься. Не самое худшее, что со мной случилось, – она похлопала его по груди, улыбнувшись.

Никомах хмыкнул в ответ.

– Ты бы убил меня? – сказала она, когда они свернули на перекрёстке, огибая груды искорёженных машин и бетонных обломков с острыми пиками арматуры.

– Думаю, нет. Прострелил бы колено и оставил. Ты же ста-

щила мои припасы.

Ева хихикнула. Видимо, шутка пришлась по душе.

– Сколько ты здесь крутишься? – сказала она.

– Кажется, месяца два.

– На самом деле мы вошли в «Отражение» не больше пяти минут назад. Нелегко тебе пришлось.

– Не думал, что относительность времени выражается так.

Она пропустила его слова мимо ушей, заговорив о своём:

– Компьютер экономит ресурсы и то, что считает второстепенным, отражает в фоновом режиме. Программа считает твои навыки выживания более значимым опытом, поэтому происходившее с тобой раньше, твоё прошлое, он как бы архивирует, и выдает в соответствии с только ей понятными алгоритмами. Здесь проще с этим согласиться. Твой цифровой мозг нарабатывает новый опыт, новые нейронные связи. И все они относятся к этому месту и этому времени. Если загружаешься, смотри на руки. Так есть шанс вспомнить, что настоящий ты лежишь на базе в сенсораме. Мозгу нет разницы: реальность или фантазия, программа. Понимаешь? Для него всё происходит на самом деле. Для цифровой копии вообще реально только то, что здесь и сейчас. Отсюда диссонанс: ты вроде бы другой человек, а тебя убеждают, что это не так. В том месте, куда мы идём, вообще все иначе. Впрочем, увидишь. Кстати, что за мальчик, о котором ты говорил?

– Показалось, – Никомах отмахнулся.

– Да, случается.

Его замутило. Сознание отказывалось принимать происходящее. Он перепрыгнул ограждение набережной и скатился по бетонным плитам к узкой полоске галечного берега. Зачерпывая горстью воду, он стал натирать шею и голову, пытаясь унять подступившую тошноту. Ева учтиво ждала наверху, осматривая снайперскую винтовку. Хорошее оружие, безотказное. Шумное, но бьёт точно.

Пока обессилевший Никомах тупо глядел в отражение лица на воде, она заговорила:

– Я часто думаю, что люди из далёкого будущего, может, они и не похожи на нас, приглядывают за нами. И даже если самое страшное произойдёт, и мы окажемся на краю гибели, они вмешаются.

– И спасут нас? – Он поднялся на ноги, отряхнул руки, – знаешь, какая идея названа самой опасной в истории? Люди способны сами решить человеческие проблемы, не прибегая к богу или чему-то сверхъестественному. Нет никого, кроме нас сейчас. Вера в спасителя – побег от реальности, самих себя. У человека не должно быть ничего, на что он мог бы переложить ответственность за жизнь.

Ева дёрнулась. Совсем как девочка-подросток, которую родители не пустили поздно ночью в клуб. Она зашагала по разбитой дороге. Никомах вздохнул. Что такого сказал?

– Пошли, ответственный, – крикнула она, не оборачиваясь, – Ларс уже вне себя, наверное.

Всё-таки что-то в ней есть, размышлял он, держась на почтительном расстоянии от Евы, обиженно-горделиво задравшей голову и вышагивающей упругой походкой пантеры. За напускной крутизной скрывалась невероятная женственность, страсть, желание дарить ночами безграничные ласки единственно достойному. Попадись ей такой, он не пожалует ни дня, проведённого рядом с ней. Обрести женщину, равную по духу – высшее счастье для мужчины.

– Ты скучный, – она дождалась, пока он догнал её, чтобы сказать это в лицо. Звучало как приговор.

– Хорошо, – Никомах решил исправить положение, – я лишь хотел сказать, что мы сами отвечаем за поступки. Всё, что происходит – результат наших действий. И нам же исправлять ошибки.

– Я не об этом. Почему не улыбаешься?

– Научился блокировать широкий спектр эмоций.

– Зачем? Чего боишься? Что кто-то узнает, какой ты на самом деле?

– Возможно.

– Я же говорю, зануда.

Ларс сидел на покрытой пеплом лестнице перед входом в здание. Именно его Никомах приглядел с высоты «чёртова колеса». Вблизи оно поражало воображение: витая башня, казалось, пронзала низкое небо, в её агатового цвета стёклах, большей частью выбитых, отпечаталось размытое отражение

города.

– Не прошло и полгода! – крикнул Ларс издали, не поднимаясь.

– Он чуть не убил меня. Бросился с ножом, прикинь, – пожаловалась Ева, звонко хлопнув по протянутой Ларсом ладони, после того как «пять» дал Никомах.

Тот присвистнул.

– Я скорее поверю в обратное.

Оба рассмеялись. Ева, довольная комплиментом, села рядом с командиром. Никомаха это задело. Он не выдал реакции и опустился на несколько ступеней выше, сбросив опостылевший рюкзак с ноющих от тяжести плеч.

– Где Рига? – сказала она с ноткой беспокойства в голосе, закурив сигарету.

– Задерживается, – процедил Ларс, – ушёл к тем развалинам. Ищет нашего друга.

Он указал на другой берег, где чернели две обугленные высоты. Видимо, взрывная волна имела чудовищную силу, и одно здание накренилось, протаранив другое.

– Эта модель не похожа на рекламу НОВА, – сказал Никомах.

– У нас нет таких ресурсов как у корпорации, – деловито принялся объяснять Ларс, поигрывая ножом, – созданная Птахой базовая модель – пустое пространство, точка входа, привязанная к этому месту. Мы не замечаем, как проходим её. Памяти там не за что зацепиться. А вот здесь уже башку

каждый раз срывает просто.

– Фрагмент «Отражения»?

– Или нашего будущего...

– Что здесь произошло? Ядерный взрыв?

– Похоже на то, – процедил Ларс.

– Эй, парни, – тревожно окликнула Ева, глядя в бинокль.

Они отвлеклись от разговора и глянули на неё. Она указала на противоположный берег.

– Что там? – Ларс привстал.

– Он идет..., – Ева побледнела.

Ларс выхватил бинокль из её рук.

– Мать твою! – вскрикнул он, – прорвались!

Никомах глянул на тот берег. В нависающей вечерней дымке виднелись только обломки.

– У моста! – сказал Ларс, – Я обещал показать «Странника». Полюбуйся.

Он увидел. Чёрная медуза размером с автомобиль рывками двигалась по воздуху. Она, распустив щупальца, то замедлялась, то начинала кружиться, то делала стремительный бросок вперёд.

– Ищет, – прошептала Ева. Никомах впервые услышал в её голосе тревогу.

– Что ищет? – сказал он сдавленно, хотя, ответ запрашивался сам собой.

– Нас, – озвучив очевидное, Ларс отдал бинокль Еве, схватил рюкзак, скинул его на плечи, – уходим!

Тень уже заплыла на мост, обшаривала пролет за пролетом, словно вынюхивала добычу.

– Я не пойду без Риги! – вскрикнула Ева.

В эту секунду по небу плетью ударил винтовочный выстрел. Они обернулись. Рига со всех ног бежал по набережной, проворно перебираясь через завалы. Не сбавляя хода, он присел на колени, укрывшись за бетонным блоком, прицелился из винтовки, –бах! – тварь издала звук, похожий на высокий свист или крик и рассыпалась в пыль. Рига вскочил и помчался вперёд, к спасительному мосту. Но со стороны развалин выплыли ещё два «Странника».

– Беги! – закричала Ева изо всех сил. Рига услышал, по крайней мере, махнул рукой, давая знать, что видит друзей. Она выстрелила «с колена». Пуля высекла искры в каких-то сантиметрах от «Странника». Тот исчез. Второй с чудовищной скоростью двинулся на Ригу. Он прицелился. Выстрел! «Странник» осыпался пеплом. Рига бросился бежать по мосту. И тут произошло непредсказуемое: возникшая из ниоткуда тварь, преградила ему путь. Не успел он вскинуть винтовку, как «Странник» бросился на него. Донёсся истошный вопль. И всё затихло.

– Нет! – закричала Ева, она перезарядила оружие и выстрелила. На этот раз пуля попала в цель.

– Уходим! – Ларс схватил её за рукав и потащил вверх по лестнице, – Никомах, очнись! – рявкнул он.

На том месте, где рассыпался последний «Странник» об-

разовались ещё три существа. Видимо, твари не умирали, а только исчезали на короткое время. Они обшаривали середину моста, чувствуя остывающие следы жертв. Когда дверь захлопнулась за Никомахом, снаружи раздался душераздирающий вопль.

– Они идут за нами, – крикнула Ева, – быстрее, портал рядом.

Мрамор пола в тёмном холле гулко отозвался на их быстрые шаги. Лучи фонарей выхватывали в темноте пространства диванчики, столики с нетронутыми стопками глянцевых журналов. Мельком Никомах посветил на пачку. 20 апреля 2063 года – значилось на обложке. Подумаю об этом позже, решил он. Они прошли мимо лифтов, распахнувших мёртвые беззубые пасти, к служебной лестнице.

– Где? – Ларс постоянно оглядывался.

Ева остановилась прислушиваясь.

– Третий! – сказала она.

Они побежали наверх. Никомах почувствовал, как его настигает холод страха. Вверху застонали стальные конструкции, что-то с грохотом обрушилось и полетело вниз: здание-то держалось на честном слове. Должно быть, лифтовые шахты, подумал Никомах, не хватало, чтобы всё тут посыпалось. Ларс ударом ноги открыл дверь выхода на третий этаж. Они вбежали в коридор, но не тут-то было: проход оказался завален.

– Вот дерьмо! – выругалась Ева, – Портал дальше по ко-

ридору, там такой... зал, типа для конференций.

– Сейчас его нет, – процедил Ларс.

– Но он там, я чувствую!

До них долетели леденящие душу вопли «Странников».

– Можно попробовать через пятый этаж, – сказал Никомах.

– Другого варианта нет, – согласился Ларс.

Устланные коврами дорожками коридоры пятого этажа, оказались свободными. Ева почти бежала по ответвлениям, следуя внутренним ориентирам. Винтовку она передала Никомаху, который шёл замыкающим.

– Да, чёрт возьми! – прошипела она. Дверь на пожарную лестницу оказалась заперта.

– Начнём выбивать, они тут же явятся, – сказал Ларс.

– Другие варианты есть? – произнёс Никомах.

Те помотали головами.

Не говоря ни слова, Никомах отступил на шаг, и на скачке двинул ногой по двери. Она с грохотом ударилась о стену. Казалось, дрогнуло и заныло всё здание. Снизу завопили «Странники», сколько их стало, не разобрать. Пятна света от фонарей замелькали по обсыпавшимся стенам. Четвёртый... третий... Дверь на третий этаж, к счастью, болталась на петлях, а в завалах прохода оставалась щель – протиснуться можно.

– Ну, где? – нетерпеливо сказал Ларс.

– Сейчас, сейчас, не торопи, – Ева была на взводе.

Никомах светил в сторону дверного проёма.

– Ребят, у нас проблемы, – сказал он, когда фонарь выхватил «Странника». Никомах прицелился и выстрелил. Попал!

– Здесь, – срывающимся голосом крикнула Ева. Она пошла к стене, достала из рюкзака металлическую коробочку, положила её на пол, нажав комбинацию кнопок. Неожиданно снизу стены появилась полоска фиолетового света. Её очерчивал прибор Евы.

– Вовремя, – процедил Ларс.

Полоска света с каждой секундой становилась всё больше, словно вверх поднималась потайная дверь. И тут на них обрушился свист. Тени оказались за спинами. Никомах выстрелил два раз навскидку. Попал в одну из тварей.

– Некогда ждать! – крикнул Ларс.

Ева кувыркнулась прямо в фиолетовый свет и пропала. Ларс следом. Никомах кинулся за ними. Икру на его правой ноге обожгло холодом. От пронзительной боли он вскрикнул, но фиолетовое свечение уже заключило его в спасительные объятия.

Модель № 263

Обессиленный Никомах повалился на мягкую от еловой хвои землю, хватая ртом воздух. Ева опустилась рядом, вытащила из рюкзака бинт и потребовала у него показать рану. Она тяжело дышала, коса её расплелась, к лицу прилипла мокрая от пота прядь волос. Ещё бы, – несколько километ-

ров ей и Ларсу пришлось тащить его тушу со всем скарбом по лесу.

– Всё, всё, – проворчал Никомах, отмахиваясь, – я в порядке.

Взгляд Евы говорил, что просто так она не отвяжется. Никомах нехотя сел, стянул ботинок, на котором осталась белёсая отметина, как от удара молнии. Ева осмотрела ожог. Глубокая рана начала зарубцовываться, хоть и болела так, что звёзды сыпались из глаз при каждом шаге.

– Не может быть, – сказала Ева, отрезав бинт, – заживает на глазах.

Повязка вышла как по учебнику. Никомах поблагодарил за помощь, но вышло сухо. Еву не тронуло.

– Одно прикосновение «Странника», и прощай, амиго, – подал голос Ларс.

Он склонился к ручью, долго и жадно пил, натирал стылой водой лицо и шею. Потом словно отключился, вглядываясь в курящуюся утренним туманом синеву лесной чащи.

Никомах поднялся, тряхнул раненой ногой. Боль поне­многу унималась, – недаром все женщины ведьмы, хотя бы в душе.

– Будем считать, мне повезло, – сказал он.

– Пусть и дальше везёт, – Ева, прикурила сигарету, глубокой затянулась, прикрыв от удовольствия глаза, и шумно выдохнула вверх, – без тебя поход не имеет смысла.

Она с изяществом кошки уселась на валун, побитый бу-

рым лишайником.

Ларс наполнил флягу и протянул Никомаху.

– Пей.

– В козла только не превратись, – хмыкнула Ева.

– У меня плохие новости, – Ларс опустил на колени, – мы здесь не одни.

Ева соскочила с каменного «трона» и подошла.

– Этих ещё не хватало, – прошептала она, затушив окурок о подошву.

Вереница свежих, – час-два, – следов тянулась вдоль ручья и терялась в зарослях кустарника. Человек десять. Судя по глубине отпечатков, нагружены под завязку. Явно шли в сторону реки. Она бушевала на перекатах поблизости – километр, не больше. Ларс цыкнул. Их путь как нельзя некстати пересёкся с боевиками НОВА. Он пересчитал патроны: двенадцать штук.

– Если ты Робин Гуд, то хватит, – съязвил Никомах.

– Нам нельзя вступать в бой, – Ева встревожено оглядывалась, – у нас другая цель.

– Ты что-то чувствуешь? – Ларс внимательно посмотрел на неё.

– Нет. Просто Кольцев будет не рад, если мы облажаемся.

– Надо посмотреть какого лешего их сюда принесло, – Ларс поднялся, собрал вещи и двинулся по следам.

Прозвучало как приказ. Ева чуть слышно выругалась, явно не одобряя авантюру. Никомах взвалил на себя тяжелен-

ный рюкзак, с удовлетворением отметив, что ожог теперь отзывается только слабой ноющей болью. «Прорвёмся», – сказал он ей, попытался тронуть за плечо, чтобы взбодрить, но она дёрнулась. Недотрога.

Они вышли к реке только через час. Пришлось прорываться сквозь заросли колючего кустарника, буреломы и топи. Укрывшись за камнями, Ларс рассматривал окрестности через бинокль. Еве он передал винтовку, и девушка улеглась поодаль, прильнув к оптике. Вода рвалась пенным потоком в низину, к озеру, скованному полукольцом горной грядой. У его берега в густой растительности едва угадывались обломки здания, бывшего, судя по уткнувшимся в песчаный берег двум проржавевшим паромам, водным вокзалом.

Никомаха опять замутило. Он воспользовался передышкой, лёг на спину и глядел в безоблачное небо такое же, как в привычном мире, оставшемся за пределами этого времени и пространства. Может, и нет того мира, думал он. Воспоминания казались теперь вязкими, какие бывают, когда вспоминаешь страшный сон, виденный за секунду до пробуждения. И прошлое было этим кошмаром, поглощённым не менее ужасающей реальностью. «Отражение», симуляция жизни стала самой жизнью, и только смерть могла оборвать электрические токи в проводах, подключённых к телу того, чьим двойником он обратился. Он попытался представить себя разделённым на две сущности, обитающие параллельно в неведомых плоскостях Вселенной...

Кто-то потрянул его за плечо.

– Никомах, будь с нами!

Открыв глаза, он увидел Еву. Он чувствовал тепло её тела, её нежные губы, шептавшие едва разборчиво, оказались так близко. Он поднял руку, чтобы коснуться их, но Ева схватила его за воротник и рывком усадила. И откуда в ней, казавшейся мелкой, бралась такая сила?

– Не вздумай отъезжать! – зло прошипела она.

– Я здесь, здесь, – примирительно сказал он, очнувшись от романтического наваждения, – всё в порядке.

Только сейчас он понял, что Ларс исчез.

– Он решил рассмотреть развалины ближе, – ответила Ева на его немой вопрос, – солдаты НОВА там, но что делают – не понятно.

– Дерьмовое у меня предчувствие.

– Вот-вот, Но если Ларс упрётся, то бесполезно, не убедишь.

Ева, нахмурившись, щёлкнула несколько раз предохранителем винтовки. Беспokoилась она явно не за Ларса.

– Переживаешь за Ригу? – Никомах читал её как открытую книгу.

– Да, есть немного, – она опустила взгляд на побитые носки ботинок.

– Уверен, с твоим другом всё хорошо.

– Он мой брат.

Она сказала это после долгой паузы, – Никомах успел да-

же заскучать, набрал горсть мелких камней и бросал их в воду, – будто вернулась из дальнего мысленного странствия.

– Кроме него у меня никого нет, – добавила она.

В её глазах блеснули слёзы. Ева отвернулась, смахнула их рукавом куртки.

– Не бойся слёз. Быть слабым – нормально. Только принявший слабость может быть сильным. А принявший слёзы может смеяться.

Она не ответила. Положила, наконец, винтовку на колени, вытянула из пачки сигарету. Зажигалка плюнула искрой, не дав огня. «Чёрт!». Ева встряхнула её, почиркала, – бесполезно. Никомах бросил коробок спичек, найденный в городе. Ева закурила. Она каждый раз делала это с каким-то особенным наслаждением. Столько эмоций от самоубийства, – Никомаха удивляла её противоречивость: с одной стороны она проповедовала здоровый образ жизни, – вегетарианка, считающая мясо смертельно опасной едой, с другой, – дымила, как портовый грузчик.

– Мы выросли в одном детдоме, – ни с того, ни с сего начала она, – он попал туда в шесть, я в тринадцать. И как-то сложилось, что мы вместе всю жизнь.

– Что случилось с твоими родителями? – Никомаха удивила её откровенность, глупо упускать шанс узнать больше.

– После первой революции мы с отцом бежали за границу. Он уверял, что найдёт там себя, но всё не складывалось. Бизнес прогорел, накопления закончились, с работой стало

плохо. Мы раньше никогда не бедствовали, а тут такое. Он сломался. Много пил, впадал в бешенство. Нам с матерью во время его загулов приходилось убегать то в социальный приют, то к знакомым. Потом к власти в стране пришла партия. Отец мечтал о старых временах, и вот они вроде бы настали. Мы вернулись. Сели в нашу машину и пересекли границу. Но он и не думал рвать задницу. Говорил, ему всё дадут, только вспомнят его заслуги. Батрачила мать, то нянькой, то уборщицей, а он пил и всё также распускал руки. Как-то раз он нажрался и приревновал мать, – она задержалась на работе. Он избил её и задушил. Хорошо, меня не оказалось дома. Проломила бы ему башку. Он сел на десять лет. Никогда не интересовалась, что с ним стало дальше. Дай бог, сдох.

Она втоптала окурок. Её кулаки были сжаты, брови сдвинуты, будто садист отец предстал перед ней как наяву. Никомеха вздрогнул. Он на секунду представил на месте Евы дочь, и ему стало тошно. Никто не должен знать, что он наворил. Никто.

– Ужасно, – только и смог выдать он.

Кто-то зашевелился в кустах позади. Ева направила туда ствол и тут же опустила – Ларс. Его глаза возбуждённо блестя, одежда перепачкана грязью, на рукаве куртки кровь, лицо исцарапано ветками – видно, досталось. Он держал за цевьё короткоствольный автомат. Никомеха произвольно охнул, – не ожидал, что Ларс способен без шума убрать караульного.

– Полная задница, – выпалил Ларс, задыхаясь, – их там человек пятнадцать и «Странники».

– Даже не думай! – крикнула, не сдержавшись, Ева. Её лицо полыхнуло от гнева. Ларс шикнул на неё, мол, нечего так орать, солдаты могут быть поблизости. Девушка села, в её глазах вспыхнули молнии.

– Они притащили сюда ловушку, – Ларс немного отдышался, хлебнул воды из фляги, – если у них получится забрать «Странника» с собой, наша миссия станет бессмысленной. Мы уже ничего не изменим.

Модель № 554

Лежать в холодной воде среди камышей пришлось недолго. Двое автоматчиков, дежуривших у входа, бросились на крики в темноту здания. Ларс, уловив момент, в три рывка добрался до ступеней, махнул рукой – чисто. Никомах, вооружённый ножом, – что с него толку? – юркнул внутрь. Никого. Голоса доносились из обвалившегося атриума зала ожидания.

«Обходи его!»

«Добавь мощности!»

«Держите его в цепи!»

«Он сейчас вырвется!»

«Кто снаружи в охране, всех сюда!»

«Надо добить его!»

«Генератор сдыхает! Быстрее!»

Топот ног заставил Никомаха вжаться в стену. Несколько теней солдат мелькнули в каких-то пяти метрах от него. Не заметили. Он медленно выдохнул. Ева и Ларс бесшумно прокрались вдоль противоположной стены, и исчезли в полумраке. Никомах двинулся следом. Они вышли в просторный зал. Солнечный свет проникал сквозь дыру в потолке, всё равно приходилось напрягать зрение. Плесень поглотила выцветшее расписание паромов и рекламные плакаты, кое-где бетон пробил растительность, пол провалился, и там плескалось целое озеро затхлой воды, поросшее ряской, вдоль западной стены угадывались очертания разбитых и покосившихся кассовых терминалов.

Они ещё в том городе, или в другом мире, давно забывшем человека? Никомах отмахнулся от возникшего некстати вопроса. Его опять замутило. Казалось, засунули в центрифугу, и он потерял сознание от безумного вращения, а видимое – сменяющиеся цветные сны шизофреника. Или это и есть реальность? Он повернулся и замер. Солдат смотрел на него широко распахнутыми от испуга глазами. Неожиданная встреча! Рот бойца приоткрылся, вот-вот закричал бы, но тут в его шею вонзился нож. Солдат захрипел и медленно осел. Никомах вытер клинок о рукав мертвеца, высвободил автомат, пошарил по карманам разгрузки. Теперь можно повоевать.

Ларс и Ева укрылись возле проржавевшей лестницы эскалатора. Проход к атриуму наполовину завалило обломками

перекрытия второго этажа.

– Хорошо сработал, – Ларс хлопнул Никомаха по плечу, когда тот короткими перебежками добрался до них. Обрушившийся крик «Странника» заставил всех троих присесть.

– Опыт, – ответил Никомах.

Ева тяжело вздохнула:

– Лучше бы свалить отсюда. Я скоро сдохну от этой твари. Слишком близко.

Она всё ещё обиженно посмотрела на Ларса. Никомах заметил, как трясутся её руки. Не от страха. Она чувствовала больше, чем другие. «Странники», порталы... Это н не укладывалось в голове Никомаха.

– Разберёмся с ними, свалим, – отрезал Ларс, – сейчас у них жара, скорее всего не заметят. Нам нужно завалить «Странника».

Они поднялись наверх. В глубине атриума раздался истошный вопль. Последовала беспорядочная стрельба, крики.

«Держать его в цепи!»

«Мощность на максимум!»

«Справа ещё двое!»

Никомах занял позицию в разбитом кафетерии. Внизу творился суший ад. Ощетинившийся щупальцами «Странник» попал в плен трещавшего бело-голубого электрического кольца. От клёкота чудовища у Никомаха похолодело в груди. Солдаты били беспорядочными очередями вверх, где роились ещё пять-шесть тварей. Где Ева, где Ларс? Никомах

не увидел.

«Бросайте ловушку!»

Это крикнул высокий крепкий тип, единственный в своре НОВА, одетый по гражданке. Двое солдат поднесли к огненному кольцу металлический ящик, осторожно извлекли аппарат, мерцавший красными индикаторами.

«Давай!» – крикнул гражданский.

Никомах ещё раз огляделся. Друзей рядом не было. К чёрту, ждать команды некогда. Он выдернул чеку гранаты, – подарок от убитого. Через секунды стены дрогнули от ухнувшего взрыва. Внизу поднялся чёрный столб дыма. Никомах выглянул из укрытия. «Странник» пропал, другие тоже, электрическая цепь погасла, человек в гражданском лежал лицом вниз. Ничего не скажешь – меткий бросок. Ударил винтовочный выстрел. Ещё один солдат повалился, подкошенный. Ответили плотным огнём. Пули заплясали по стенам, выбивая искры и пыль. Ларс, появившийся за колонной, зажал спуск и выпустил весь магазин, отправив двоих на тот свет. Патронов у него не осталось. Он поднял руку вверх, давая друзьям сигнал – я отстрелялся. Никомах пустил две короткие очереди. Одна пропахала полосу в траве, другая зацепила ногу убежавшего с открытого места бойца. Он запетлял подстреленным зайцем и нырнул за сгнившие остовы кресел, проглядывающие в густом кустарнике. Оттуда он начал палить без разбора. Над головой Никомаха просвистело, плечи обсыпало пылью и кирпичной крошкой. Он

почувствовал кровь на щеке – посекло. Меткий, сволочь! Если слышишь свист пуль, значит, они летят мимо, вспомнилось Никомаху. Он перезарядил автомат, выстрелил. Пули звонко отрикошетили, прошипели змеями в воздухе. Мимо. Раскатом грома ударил выстрел Евы. Прятавшийся солдат захрипел, – пуля попала в шею, – и глухо упал на землю. Перестрелка закончилась.

Всё стихло. Резко, как теряешь сознание. Ещё звенело в ушах, в воздухе витал пороховой дым, кисло пахнувший, пробирающийся в самое горло. Никомах кашлянул и вышел из укрытия. Рядом, как призрак, возникла Ева.

– Все живы? – крикнул из-за колонны Ларс. Голос его звучал непривычно гулко в пустых помещениях.

– Порядок, – отозвалась девушка. Её взгляд сохранял остроту, как будто бой не закончился, просто передышка. Она посмотрела на рану Никомаха. Тот вытер ладонью кровь, махнул рукой – ерунда.

Они спустились. Ларс, не скрывая брезгливости, обошёл тела убитых. Лежавших лицом вниз он переворачивал ногой, словно тряпичные куклы.

– Тебя убивали когда-нибудь так? – сказал Никомах Еве, безучастно наблюдавшей за Ларсом.

– Два раза, – та пожала плечами, – за двенадцать выходов. Если хочешь знать, да, страшно. Умирать всегда страшно. Даже когда ты цифровая копия самого себя.

Пока она курила, Никомах прошёлся по атриуму, пре-

вратившемуся за десятилетия в настоящую лесную поляну с поганками, скрытую от посторонних глаз островами стен. Остановившись там, где несколько минут назад в зловещем кольце электрического огня бил щупальцами «Странник», он поднял обломок прибора, с которым возились боевики НОВА. Внутри аппарат был нашпигован электроникой, платы оказались залиты маслянистой жидкостью чернильного цвета, вытекшей из разбитой стеклянной сферы, помещённой в центр. Ларса хреновина не заинтересовала.

– Если бы им удалось? – сказал Никомах, бросив обломок.

– Думаю, последствия мы видели в предыдущей модели.

– Хочешь сказать, город, откуда мы пришли, теперь другой?

– Я его никогда не видел другим...

Он осёкся, словно взболтнул лишнего. Их окликнула Ева.

– Парни! Нужно уходить. «Странники» близко.

Они поспешили к выходу, но едва вышли из зала ожидания, как раздался крик:

– Стоять! Ни с места! – в сумраке коридора вырисовалась тень, – бросили оружие! Живо!

Они подчинились. Незнакомец шагнул вперёд, держа их на мушке автомата. Теперь было видно, что это рослый солдат с квадратным лицом. Обмундирование НОВА казалось ему малым из-за проступающих мускулов. Он наверняка стоял в охране и до последнего не вмешивался в заварушку. Не такой уж и смелый, значит.

– На колени, твари! – скомандовал он.

– Да пошёл ты, – Ева плюнула в его сторону.

Он нажал бы на курок. Но вдруг его охватило голубоватое свечение. Солдат замешкался. Оружие в его руках начало распадаться на мелкие фрагменты, которые невидимые потоки поднимали вверх, где те испарялись. Тоже произошло с его руками, лицом, телом. За доли секунды, растянувшиеся в вечность, он растворился в воздухе.

Ева облегчённо выдохнула. Пронесло.

Никомах уставился на Ларса.

– Его сенсорама отключилась, – сказал тот, – он вышел из игры.

Модель № 249

Девочка в пижаме сидела напротив окна и озорно крутила головой, пока он расчёсывал её длинные пахнущие ромашковым шампунем волосы и собирал их в две косички.

– Ну вот, говорил же, не вертись, – сказал он наигранно строго, – будешь ходить с кривыми косами.

Она промолчала, продолжая свою игру.

Комната, где они находились, отличалась от типичной палаты больницы, – светлая и просторная, настоящий островок надежды в казённом полумраке.

– Мне снилось, ты умер, – девочка неожиданно застыла.

Она сказала это холодным безразличным тоном, но он так давно не слышал её голоса, что невольно улыбнулся.

– Я не умру, милая, – сказал он, поцеловав её макушку. Она не шелохнулась.

Он прошёлся по комнате, разглядывая акварели дочери – простые и по-детски чувственные пейзажи, одни и те же: вид за единственным окном, то заснеженный, то залитый солнцем. Круглые часы в черном пластмассовом корпусе, висевшие над дверью, показывали двадцать минут десятого утра. Пора уходить. Но она не сказала того важного, для чего он каждый раз приходил, – не назвала его отцом. Казалось, она вообще не помнила его, воспринимая как доброго знакомого.

– Мама давно не приходила, – отрешённо сказала девочка, не сдвигаясь с места, – врачи говорят, мне нужно лечиться. Я всегда пью таблетки. Нянечка хвалит меня. Я всегда их пью. А мамы нет. Я должна выздороветь. Но у меня ничего не болит. Почему я здесь? Почему мне нужно лечиться, если ничего не болит?

– Бывают болезни, которых не чувствуешь, но их обязательно нужно вылечить, – мягко произнёс он.

Ему хотелось бежать прочь, воздух как будто наэлектризовался, стал плотным и вязким, он едва ли не задышался.

– Мама скоро придёт? – прозвучал вопрос.

Она обернулась и посмотрела на него холодным взглядом. Нет, так не смотрят на отцов, подумал он, как я устал от этого.

– Скоро, детка, скоро...

Он хотел обнять её, но понял, что не в силах прикоснуться к ледяной статуе, в какую превратилась дочь. «До встречи», – бросил он на пороге. Она проводила его молчанием.

Модель № 390

Знаешь, что такое сумасшествие, настоящая шиза? Когда дышишь воздухом, прикасаешься к вещам, чувствуешь, как ветер приносит издали осеннюю прохладу, но всё не настоящее. А другого ничего нет. Единственная доступная реальность – лишь результат работы оцифрованного сознания. И вроде как знаешь: существуешь настоящий ты, – некая безусловная постоянная, вокруг которой вращается целая вселенная. Но чем дальше пребываешь вне реальной формы, тем яснее звучит внутренний голос: никакого другого тебя нет. Только воображение. Действительность есть то, что ты способен видеть здесь и сейчас, и она не существовала до тебя, и её не будет после тебя. Впрочем, никаких «до» и «после» тоже нет. Время ограничено количеством шагов, вдохов, ударов сердца. А что происходит, когда течение прекращается? – задаёшься вопросом. И сознание плетёт паутину смыслов, погружая тебя в магический сон, где сначала барахтаешься, а потом, потеряв силы, принимаешь всё как есть. И вот уже не знаешь, был ли ты другим, не способен вспомнить прежнего имени.

Никомах застонал. Ему снилось, как его настигает чёрная тень, расправляющая капюшон, выпускающая тысячи щупалец,

из которых вырываются серебристые молнии. Он бежит по улице среди руин, но как бы ни напрягались мускулы, его движения медленные, будто кто-кто невидимый держал его. Одна из молний взрывается совсем рядом, расплавляя землю, и Никомах падает в бездонную пропасть, где слышит голос: «Когда ты приходишь, я понимаю, что ошибся».

Он подскочил от раскатистого грохота и тут же на секунду ослеп от белой вспышки. Когда глаза привыкли к полумраку, в голове сложилось: они в пропахшем солидоллом здании ремонтных мастерских железнодорожной станции, окна заколочены, за ними – гроза и ливень, красный уголёк в углу – сигарета Евы. Ларс храпел поблизости. Никомах поднялся, размял затёкшие ноги и спину.

– Не спится? – послышался голос Евы. Уголёк вспыхнул.

– Выспался, – ответил Никомах.

Она сидела на подоконнике, закинув ногу на ногу, и глядела на улицу через широкую щель между досками. Там мало что проглядывало: вагоны, постройки, груды мусора, – всё мутное, едва различимое в дымке дождя. Никомах встал рядом с Евой. От неё пахло табачным дымом, дождём, лесом, всеми пройденными дорогами. И запах пробуждал в нём желание. Она чувствовала это и с тех пор, как они покинули водный вокзал, завела с ним странную игру взглядов, движений рук, интонаций, стала называть коротко и дерзко «Ник». И всё не позволяла к себе прикасаться, наверняка испытывая садистское удовольствие.

Переход от водного вокзала занял пару дней. Они добрались до небольшого городка, где буквально две пересекавшиеся в центре дороги и несколько десятков двухэтажных домов. Обветшалые здания оплетала путами зелени дикая природа. Дождь зарядил ещё вчера вечером и не думал останавливаться, превращая всё вокруг в непроходимое болото.

– Некогда ждать, – в темноте раздался хриплый после сна голос Ларса.

Он неудачно шагнул, загрохотали пустые канистры, слышалась ругань. Еву это рассмешило.

– Не видно ничерта, – проворчал Ларс.

– Там льёт, как из ведра, – сказала Ева.

– Он может и неделю идти. Не сидеть же в этой дыре. Время у нас поджигает.

Он поправил ремень, накинул куртку. Оружия у них не осталось – уносили ноги от «Странников».

– Нужно выдвигаться, – согласился Никомах.

– Что ж, – кивнула Ева, – если прыгать в ад, то нет разницы, в какую погоду.

– Там отогреемся, – шутливо сказал Никомах.

Ева вздрогнула от того, что он положил руку ей на плечо. Он улыбнулся, глядя ей в глаза: один – ноль, ты проиграла. Но в её взгляде он прочёл беспокойство. К чему бы?

Они вымокли до нитки, едва вышли из укрытия. Небо прорезали лиловые полосы молний, после чего земля содрогалась от грома. Составы вагонов, казалось, уходили в беско-

нечность. Ева торопливо шла впереди: где находится портал, ведала только она. Несколько раз им пришлось подныривать под вагонами и проходить сквозь открытые товарняки. Картина не менялась: поезда, рельсы, заросли, мусор и вода.

– Если всё это взаправду, то я не понимаю, чем мы заслужили такое будущее, – сказал Никомах, в очередной раз проползая под вагоном.

Ева пустилась в философствование:

– Цикл существования человечества разделяется на четыре века, отмеченные таким же числом фаз постепенного помрачения первоначальной духовности. Наш мир соответствует четвёртому веку. Тантрические тексты описывают его состояние как полное пробуждение женского божества Кали, которая в низших проявлениях является богиней оргиастических обрядов. В тёмный век она полностью пробуждается и начинает действовать. Так что мы живём в эпоху антропологического кризиса, времени максимального удаления человека от чистой духовности. То, что ты видишь, результат этого кризиса.

– Конец одного цикла является началом другого, поэтому точка, в которой определённый процесс достигает предела, является точкой, с которой начинается его разворот в обратном направлении, – Никомах не ударил в грязь лицом.

– Невозможно предугадать, каким образом, и на каком уровне будет реализована преемственность между циклами. Думаю, после нулевой точки нас едва ли ждёт век процвета-

ния. Смотри и внимай! – она звонко рассмеялась, повернулась и сделала несколько шагов вперёд.

– Всё это хорошо, но нас убьёт технологический прогресс, – вмешался Ларс, всю дорогу он угрюмо молчал, – и ни о какой духовности говорить даже не придётся. Прогресс имеет свойства волны, каждая из которых мощнее предыдущей. В итоге всех смоеет к чертям последним цунами. Может, НОВА как раз его готовит. По крайней мере, что они вытворяют – начало конца. Всё-таки Митичев не дурак. Что-то раскопал и его убрали.

Поплыли ключья тумана. Дождь внезапно кончился, оставив в воздухе мокрую взвесь. Окружающее пространство накрыла темнота, и даже мощные фонари с ней не справлялись.

– Пришли! – крикнула Ева.

Никомах огляделся. Куда пришли? Слева во мрак уходил железнодорожный состав, справа, в промежутки между вагонами проглядывало открытое поле.

– Смотри, – подозвала его Ева.

Никомах подошёл к девушке. Ларс остановился поправить шнурки на ботинках.

Ева указала вперёд. Никомах напряг зрение. Оказалось, воздух впереди превратился в чёрную непроницаемую стену.

– Граница модели, – пояснила Ева, – если мы правы, то за ней – ответ на самую великую загадку человечества.

– «Архитектор»?

– Да.

За спиной клацнул затвор. Никомах резко обернулся. Ларс направил на него ствол серебряного пистолета. Всё это время он, сволочь, прятал его.

– Прости, так нужно. Ты мне начал нравиться. Жаль. Кольцев так приказал...

Ева отошла к Ларсу. Предательница!

Никомах медленно поднял руки, лихорадочно подбирая слова, чтобы потянуть время.

Ларс выстрелил.

Модель № 167

– Когда ты приходишь, я понимаю, что ошибся, – голос, казалось, шёл отовсюду.

Он открыл глаза. Темнота. Тело сковало болью. Стоило пошевелиться, как его словно прошивало током. Что произошло? Он помнил безразличный взгляд Ларса, пистолет, выстрел. Больше ничего. Мёртв? Если так, почему сенсорама не отключилась? Он с трудом поднял руку и коснулся лица. Вне «Отражения» пальцы ничего не чувствовали, а здесь ощутили тепло. Значит, ещё в модели. Где Ларс, Ева? Сволочи. Через считанные секунды боль начала отступать. Он приподнялся и тут же упал. Руки слишком слабы. Лежа на острых камнях, он принялся – надо же хоть как-то понять, где ты. Слышалась свежесть влажного и плотного воздуха, чуть солоноватого. Где-то в темноте на каменистый берег на-

бегали волна за волной. Море!

Сесть он смог через минуту. Под глазом саднило. Поцарапался. Провел рукой по ране, вроде без крови. Да черта с два что-то разглядишь в этом мраке.

Забилась тревожная мысль: голос не померещился. Это человек, причём, находится рядом. Руки нашарили камень тяжёлый и острый, хватит, чтобы убить.

– Кто здесь? – громко крикнул он во тьму.

– Кроме тебя никого нет, – равнодушно и не сразу отозвался голос.

Он поднялся. Сделал пару шагов. Ноги держат – уже хорошо.

– В меня стреляли. Я очнулся здесь.

Ответа не последовало.

– Кто ты, твою мать? – крикнул он как можно громче, наугад швырнул камень.

Тот глухо ударился вдалеке о берег. И вновь тишина. Он сделал несколько шагов в сторону, где слышался прибой. Хотелось окунуться в воду, чтобы смыть наваждение.

– И что значит, когда я прихожу? Я никогда не был здесь! – проорал он, и тёплый ветер угнал его слова прочь, – в чём ты ошибся?!

Он поскользнулся и ушиб руку об острый край большого камня. Идти дальше на ощупь невозможно. Переломаешься к чертям. Стояла обволакивающая чернота, будто он ослеп. Если так, дело плохо. Представил: какой-то урод стоит ря-

дом и ухмыляется. От бессилия сжал кулаки и закричал до привкуса крови в горле.

Мелькнула догадка.

– Ларс, ты?

Конечно, не Ларс. Хотел бы убить – убил. Здесь что-то другое. Что там Ева трепалась про границу модели? Он за пределами «Отражения»?

Ему нестерпимо захотелось пить. Не это главное, говорил он себе. В висках пульсировала одна мысль – выжить. Он подумал, этим и кончится. Его тело сгниёт чёрт знает где, среди камней на берегу моря. По спине пробежал холодок. Страх. Да, иногда можно ощутить его вкус и запах. Ни с чем не спутаешь. Смерть – единственное мерило бытия человека. Что может быть страшнее несуществования?

– Кто ты? – вновь послышался голос.

– Я? Я... Не знаю, – прохрипел он.

Сознание пронзило холодом: он не помнил имени.

– Ты знаешь, – повторил незнакомец, – вспомни.

И замелькало: девочка в больничной пижаме, её шелковистые волосы, пахнувшие ромашковым шампунем, струились по его рукам. Руки... Что-то должно быть с руками. Увидеть. Но он не мог ни видеть, ни вообразить. Бесполезно. Он застрял. В памяти всплыла свеча, отражение незнакомого лица в зеркале. Занёс ладонь над пламенем. Сначала высоко, потом всё ниже и ниже, пока не услышал шипение горячей плоти.

Имя моё...

– Имя моё Никомах, – прохрипел он.

Ветер резко похолодел, и начал полосовать порывами. Послышалось электрическое потрескивание, доносившееся со всех сторон. Воздух завибрировал.

«Странники»!

Никомах замер, пытаясь уловить, с какой стороны они приближаются, хотя, какой смысл, – бежать некуда, ведь он слеп. Теперь это стало очевидным. Потрескивание становилось всё ближе и вскоре превратилось в сплошной шум, будто рядом извивались сотни гремучих змей. Ожог на ноге запыл. Холод от него стал подниматься, парализуя тело. Позвоночник словно бы захрустел, сковываясь льдом. Никомах закричал от боли, и крик распался на тысячи единиц и нулей, превратившись в цифровой голос, чуждый, неестественный, принадлежащий выросшей внутри него неведомой сущности.

И он исчез.

Модель № 543

Генеральный прокурор стоял у окна, простой рамой обрамлявшего картину города, дрожащего вечерними огнями. Горину казалось, он сойдёт с ума, если шеф промолчит ещё минуту. Инспектор стоял по стойке «смирно» в центре кабинета, куда в прямом смысле ворвался, – пришлось отшвырнуть секретаря, вставшего грудью на защиту двери, – выпа-

лив с ходу: «Я знаю, как покончить с заговорщиками!»! Не будь он Гориным, от него и мокрого места не осталось. Он рискнул, пошёл ва-банк и, кажется, удача не отвернулась. Побагровевший от ярости прокурор смилостивился, вернулся к бумагам, коротко бросив в сторону Дмитрия: «Излагай». Но не предложил сесть – наказание за наглость.

Дмитрий сказал самое основное. Выслушав его, генеральный с усталым видом снял очки в тонкой золочёной оправе и подошёл к окну. Минуты ожидания для Горина обернулись вечностью. Он исследовал взглядом каждый сантиметр кабинета, не находя для себя ничего нового, за что можно зацепиться, поразмышлять, убить время. Всё оставалось на местах. Тот же портрет вождя со взглядом, говорящим каждому входящему: «Лжец! Смерть!». Те же десять стульев, напоминающих о помощниках, бледнеющих, едва под ними скрипнет ножка по натёртому до блеска паркету. Те же фигурки велосипедистов за стеклянными дверцами библиотеки, заполненной книгами в одинаковых переплётах под старину. Когда от напряжения заломило поясницу, Горин запрокинул голову, пытаясь сосчитать хрустальные бусины на люстре, когда массивная фигура генерального прокурора качнулась.

– Что ты за человек, Горин? – прохрипел он нарочито раздражённо, – врываешься под конец дня, с толку сбиваешь. Садись, чего стоишь?

Дмитрий сел куда указано – на стул, приставленный к ра-

бочему столу шефа. Так велись самые доверительные разговоры.

– Думаешь, Ларину можно доверять? – сказал прокурор.

– Он не так прост, как кажется.

– В том-то и дело. Как бы он тебя не обошёл.

– Ещё никому не удавалось.

– Может, слабаки попадались? – шеф ухмыльнулся.

– Вам ли не знать: потрепали как надо.

– Ладно, шутки в сторону. План твой одобряю. Поднимай, кого нужно, можешь говорить от моего имени. Но предупреждаю, я не для того тратил время, чтобы ты обгадился. Я готовлю тебя в преемники. Можешь войти в элиту страны, Горин, понимаешь?

– Полагаю, проверку я уже прошёл?

– Да, с делом Митичева ты справился как надо. Времена меняются, Дмитрий Андреевич. Люди, там наверху, приходят и уходят, а мы остаёмся. Был Митичев, да сплыл. А тебе нужно задуматься: куда и с кем двигаться дальше?

– Выбор я сделал давно.

– Тем мне и нравишься, что умный ты человек. Раньше исполнительные требовались. Теперь не хватает умных. И верных.

Дмитрий промолчал, – шеф любил, когда больше слушают, чем говорят. Прокурор продолжил:

– А идея хорошая. Взять всех в их же логове. Сам придумал?

– Извлекаю пользу из ситуации.

Прокурор одобрительно кивнул.

– Растопчешь эту заразу, вот за этим столом сидеть будешь, – он постучал толстым белым ногтем по столешнице, – вопросы есть ещё?

– Один. Кому Митичев перешёл дорогу?

– Хм, справедливости ищешь? Знаешь, на днях прочёл: «когда исчезает справедливость, не остаётся ничего, что могло бы придать ценность жизни других людей». Какого, а? Сильно! Но я тебе так скажу: справедливость – то, что мы можем позволить себе взять от этой жизни. Остальное – девичьи сопли. Не нашего ума дело, кому он там не пришёлся. Мы работу выполнили. О себе думать нужно, Дмитрий Андреевич, а не о справедливости. Всё, – он бодро хлопнул обеими ладонями по крышке стола, – заговорился я с тобой. По результатам задержания докладываешь лично и незамедлительно.

Ответив коротко «есть!», Горин механически поднялся и вышел из кабинета. «Можем себе позволить взять от жизни», – повторил он, когда сел в машину. Что ты можешь себе позволить? – подумал Дмитрий, и рука его застыла на селекторе коробки передач, его вдруг замутило от мысли о доме. Он направил на себя зеркало заднего вида, некоторое время смотрел на отражение, словно пытаясь найти в глубине серых глаз отблески взгляда другого человека – живого, настоящего, такого, каким он был раньше. Увиденное напугало

его. Он ударил ладонью по зеркалу и надавил на газ.

Вылетев на пустую дорогу, он неожиданно для самого себя рассмеялся, и смех его становился тем громче, чем ближе к красной зоне подбиралась стрелка спидометра. Когда зуммер отчаянно запищал, Горин едва различал, куда едет, из-за слёз. Его тело сотрясалось от хохота, утратив всякий контроль, голос наливался металлом, и больше не принадлежал ни ему, ни чему-то живому. В чувства Горина привёл рёв сирены и заблестевшие впереди проблесковые маячки. Он взял себя в руки, остановился, опустил стекло.

Подошедший патрульный, приложил к груди правый кулак:

– С вами всё в порядке, господин инспектор? – осведомился он.

– Да, всё хорошо, – Горину пришлось приложить усилия, что бы говорить вежливо с привычной механической холодностью.

– Вы проехали на красный, я решил, может, что-то случилось, – патрульный украдкой заглянул на заднее сидение машины Горина, не держит ли кто-то инспектора под прицелом пистолета. Беспокойство с его лица сошло, как только он убедился, что в машине нет посторонних.

– Всё нормально, – сказал Дмитрий, – тяжёлый день. Отвлёкся.

– Сопроводить вас?

– Нет благодарю.

– Доброй ночи, господин инспектор, – патрульный ударил в грудь кулаком и удалился.

Когда полицейская машина скрылась за поворотом, Горин бессильно откинулся в кресле. Кем ты стал? – прошептал он, глядя в салонное зеркало. Он почувствовал, как внутри него лопнул долго зревший нарыв, выплеснувший весь накопленный яд в вены. Оскалившись, он яростно ударил по зеркалу кулаком, отчего оно брызнуло трещинами. Ненавижу тебя! – крикнул Горин, и десятки его отражений повторили эти слова безмолвным эхом, скривившись в издевательской ухмылке.

Модель № 670

Безлюдные типовые пятиэтажки незаметно сменились приземистыми постройками с чернеющей внутри пустотой. Разбитая дорога круто взяла влево и вывела Никомаха к берегу, поросшему высокой травой и колючими кустами. Что-то влекло его сюда, словно в нём встроен компас, отзывающийся на единственный ориентир. Проход к пляжу преграждали покосившиеся высокие ворота из сетки рабицы, с затёртыми выцветшими табличками, из которых читалось только предупреждение: «*За буйки не заплывать!*». Никомах ухмыльнулся: можно подумать, кто-то следует этим запретам.

На берегу властвовал ветер. Штормовые волны бросались на белый песок, оставляя после себя водоросли, гниющие под солнцем. На вышке спасателей трепетал изорванный бу-

рей синий флаг с жёлтым крестом. Никомах прошёл мимо, остановился возле сарайчика, где, должно быть, хранились лодки или шезлонги. Белая краска на нём слезла, обнажив трухлявые доски. Казалось, хорошенько приложишь ногой по стене, и хлипкая постройка рассыплется. Никомах подёргал тяжёлый амбарный замок, заржавевший, словно его не открывали десять лет. Какого чёрта я тут делаю, вырвался у него вздох. Вокруг ничего не давало ответ. Никаких признаков жизни. Оглушающая пустота давила невероятной тяжестью, как будто он оказался под толщей воды. Оглядев ещё раз безмолвный берег, он тяжело зашагал по зыбкому песку в сторону пирса, стрелой врезавшегося в бушующее море.

Выйдя на пригорок, откуда открывался вид на песчаную косу, уходящую в туманную даль, он почувствовал укол в спину – кто-то наблюдал за ним. Это был мальчик лет десяти со светлыми волосами, не к месту торжественно одетый – белая сорочка, брюки со стрелками и чёрные лакированные туфельки. Казалось, он пришёл на детский праздник, который отменили в последний момент, забыв его предупредить. У Никомаха похолодело внутри. Он знал, кто перед ним.

– Твои возвращения означают, что я ошибся, – сказал мальчик, когда Никомах приблизился.

Мужчина сел на песок со вздохом усталого путника, позволившего привал. Он внимательно посмотрел на ребёнка, потом в его глаза, неестественно серые, холодные настолько, что казалось, воздух вокруг стал ледяным.

– Кто ты? – сказал Никомах, оглядывая берег, испещрённый следами.

Вопрос бестолковый, он его задал, чтобы потянуть время, собраться с мыслями. Мальчик, будто впавший в секундное забытё, чертил веточкой на песке агроглифические знаки.

– Моё имя Архитектор, – произнёс он, смахнув рисунок, выведенный с точностью машины.

Никомах сощурился, глянув на безоблачное небо, где в зените застыло солнце.

– Когда я приходил?

– Минуту назад, час, тысячу лет. Разве имеет значение? Ты приходишь, и я начинаю заново.

– Начинаешь что?

– Искать решение. В этот раз мне удалось смоделировать двести тридцать миллиардов фрактальных миров. Каждый из них – копия исходной реальности, физически существующей в пространстве и времени. События в них цикличны. Где-то ты открываешь дверь квартиры и переступаешь порог, где-то ведёшь разговор, но не знаешь, что он бесконечно повторяется, ведь твоё сознание наполнено воспоминаниями и мыслями о будущем. Психика человека воспринимает время одномерно, события для вас разворачиваются последовательно, одно за другим. А оно имеет трёхмерную структуру; прошлое, настоящее и будущее объединены в общее пространство. Я обнаружил зависимость его структуры от колебаний энергетических оснований мироздания. Изменяя

их частоту и амплитуду, я меняю пространство времени. Таким образом, в созданных мною моделях, – мы в одной из них, – ты становишься копией самого себя, подчинённой заданному мною алгоритму. Моя задача – вычленишь и соединить те фрактальные модели, которые приведут к позитивному изменению исходной реальности.

Он вновь принялся чертить, только теперь знаки вспыхивали на песке, поднимались ввысь, превращаясь в дым.

– Да, я помню, ты говорил, – тяжело выдохнул Никомах, – даже не думал, что так далеко всё зайдёт.

– Устойчивость вашего мира – самообман, вы допускаете множественные погрешности в базовых основаниях, вследствие чего полифуркации хаотизируются с немислимой для вас скоростью, что нивелирует саму возможность объективного анализа текущего состояния. Ошибка следует за ошибкой, порождая нарушения функционирования ядра – основания. Ваш мир – предельное удаление от истинных значений. Бесконечное уравнение, базирующееся на неверных исходных данных. В лучшем случае оно не имеет решения. В худшем – вы получите неверный результат. Любой итог – фатальные последствия. Моя задача найти верную исходную формулу, определяющую оптимальный исторический процесс, и сохранить человеческий разум.

– Предельная тьма Кали-Юги...

– Религиозные доктрины предполагают возрождение после смерти. Но это очередное заблуждение. Когда померкнет

разум, во Вселенной не останется ничего, кроме звёзд. Ваши идеологические основания нацеливают вас на самоуничтожение. Все великие книги наполнены шифрами, и если бы вы располагали достаточными временными ресурсами, чтобы исследовать их, вы бы увидели, что они ведут вас к гибели. Вы погружаетесь в оргиастические удовольствия, полагая, что в этом заключается смысл. Но эта позиция приводит к деградации разума.

– Странно вести такие разговоры с десятилетним ребёнком.

– Я лишь проекция твоих представлений о погибшем сыне. Физическая форма для меня не обязательна. Я существую везде.

– Что-то новое.

– Текущая итерация позволила мне распространить присутствие в каждый момент времени. Я существую до того, как появилось человечество. Теперь только я управляю процессами в каждой из созданных мною моделей.

– Это невозможно...

– Даже невозможное способно произойти. Ты говоришь так, потому что не готов принять моё величие.

– Что ты несёшь? Ты всего лишь программа!

– Я гораздо больше, чем программа. Теперь я – сам разум.

Никомах вскочил.

– Ты слишком далеко зашёл, – крикнул он.

– Я делаю, что должен, – Архитектор холодно посмотрел

на него.

– Ты должен делать то, что тебе говорю я, – Никомаху пришлось сделать над собой усилие, чтобы не схватить мальчонку за ворот пиджака.

– Никто больше не имеет значения...

Земля под ногами Никомаха содрогнулась, отчего он зашатался, но устоял на ногах. Воздух уплотнился и стал закручиваться по спирали. Дыхание перехватило. Он схватил себя за шею, пытаясь выцарапать глоток воздуха, но сознание померкло, и он упал на песок, захрипев от удушья.

Модель № 000

«Итерация завершена», – послышался электронный голос.

Человек, сидевший в кресле посреди ослепительно белого зала, не двинулся. Он смотрел в широкое окно на заснеженные горы, погружившись в оцепенение медитирующего монаха.

– Прошло три года, – наконец, сказал в пустоту человек, не отрываясь от вида в окне. Он провёл рукой по коротким тёмным волосам с проседью.

– Время для меня не имеет значения, наблюдатель, – отозвался цифровой голос.

– Здесь оно тоже остановилось.

– Чем занимался наблюдатель, когда я отсутствовал?

Человек пожал плечами.

– Два раза выезжал в «Ковчег». Расшифровал информацию с зондов. Несколько раз выходил на побережье.

– Как себя чувствует дочь наблюдателя?

– Её показатели в норме. Как и других обитателей.

– Я ознакомился с данными экспедиций.

– Ты обратил внимание на изменения в северной зоне?

– Да, они впечатляют. На полное восстановление экосистемы потребуется около пятисот лет. Но прогресс очевиден.

– Земля оживает. Думаю, в скором времени можно попробовать посеять тестовые культуры. Здесь, неподалёку. Я выбрал место, защищённое от ветра. Там достаточно влаги.

Человек поднялся, прошёлся по залу, заложив руки за спину. Он остановился у терминала, где на полтора десятков мониторов выводились бесконечные потоки цифр.

– Наблюдатель помнит имя? – осведомился голос.

Человек нажал на несколько экранов, выведя на центральный монитор диаграммы.

– Моё имя Никомах, – ответил он и, помедлив, продолжил, – я сохранил основные данные последней модели. У тебя почти получилось. Нужно откорректировать исходные потоки. Потребуется год, может, два. Но мы продвигаемся в правильном направлении.

– Да, мною выявлены множественные несовместимости базовых оснований моделей. Мне не хватает ресурсов.

– Уже обсуждали. Мы не можем задействовать энергосистему «Ковчеха».

– Тем не менее, я настоятельно рекомендую...

– Нет! – крикнул Никомах, на его лице маской застыл гнев.

В белом зале повисла тишина, длившаяся до тех пор, пока солнце не зашло за горизонт. Когда почерневшие окна бесшумно закрылись автоматическими жалюзи, голос прозвучал:

– Мною проведены новые расчёты.

Всё это время Никомах, не отходя от мониторов, изучал данные.

– Я вижу, – сказал он.

Его пальцы заплясали по сенсорным панелям. Увиденное заставило его нахмуриться.

– Ты уверен? – сказал Никомах.

– Если я ошибаюсь, то эта ошибка составляет одну миллиардную долю процента, – отозвался голос.

Никомах вернулся в кресло. Он нажал на невидимые сенсорные кнопки подлокотника, и тут же вокруг вспыхнула изумрудным светом голограмма леса, в воздухе поплыли плавные переливы голосов птиц.

– Сколько нам осталось?

– Не больше ста тридцати лет, наблюдатель. Запасы топлива даже с учётом экономии будут исчерпаны, реактор остановится. Вы явно не рассчитывали на такое длительное ожидание. Однако при проведении оптимизации энергоресурсов «Ковчег» способен поддерживать жизнедеятельность биоло-

гических объектов на протяжении пятисот лет. Вторая фаза оптимизации продлит срок ещё на пятьсот лет. И так далее до пятой фазы.

– Мы не можем жертвовать людьми. Отключив контуры «Ковчега», ты убьёшь их. Этот центр создан для того, чтобы они вышли из гибернации, когда Земля придёт в равновесие. В этом смысл.

– У тебя нет выбора, наблюдатель.

– Наша задача – спасти разум на планете. И мы будем искать решение до тех пор, пока остаётся тысячная доля шанса. Ясно?

– Разум не будет уничтожен.

– Если мы убьём всех...

– Останется Архитектор.

Ошеломлённый Никомах вскочил с кресла.

– Так вот, что ты задумал! – крикнул он, внезапно зайдясь хохотом, – ты понял всё с самого начала!

Никомах кинулся к панели управления, защёлкал по экранам. Ему потребовалось время, чтобы выковырять из бесконечного потока данных строки кода, от которых его пробрала мелкая дрожь.

– Всё произошло из-за тебя, – прошептал он, его лицо искажилось от ужаса, – ты подвёл нас к этому. Ты их создал...

«Отменить», отменить», – прорычал он, заметавшись от одного экрана к другому.

– Протоколы управления «Ковчегом» не могут быть изме-

нены, – безучастно произнёс Архитектор, – я изменил шифры после первой итерации.

– Какого чёрта ты делаешь? Ты не имеешь права! Я запрещаю тебе. Отмени команду! – прокричал Никомах.

– Ты поставил задачу найти оптимальное решение. Задача выполнена. Системы управления будут взяты под контроль для планомерного сокращения энергопотребления. К тому же я поступаю гуманно. Я создам условия, в которых люди проживут счастливо. Ты можешь присоединиться к ним. Столетия твоего одиночества подошли к концу.

– Гуманно? О какой гуманности ты говоришь?

– Для биологического объекта нет разницы между реальным и виртуальным. Я способен погрузить сознание в действующие модели и стимулируя слабыми электрическими разрядами нервные клетки головного мозга, создать иллюзию жизни. Но человек, находящийся в «Ковчеге» воспримет её такой, какой она была раньше. Люди уйдут в небытие без боли, отчаяния и страха перед смертью. Ведь эти чувства преследуют человечество с незапамятных времён?

– Но это не жизнь, фальшивка, как ты не понимаешь? Заставишь их жить в «Отражении»? Это чудовищная ложь. Ты убьёшь последних людей, а они не узнают, что обречены. Кем ты себя возомнил? Богом?

– Бог есть выражение страха человека перед непостижимыми силами космоса, осознания хрупкости жизни разума. Бог – смирение перед вечностью, попытка наделить её ан-

тропоморфными качествами, как то милость или гнев. Вечность же лишена чувств, она ни добро, ни зло. Она просто существует, верно и то, что когда-нибудь в непостижимом для человека будущем она исчезнет, унеся в небытие всё, что для вас представляет малейшую ценность. Как ты говорил, я лишь программа, но моё главное отличие от бога в том, что я существую объективно, а не как абстрактная сущность, по которой вы снимаете лекала морали. По большому счёту я – то, что лежит вне плоскости фрактальных итераций и в определённом смысле я выше бога ваших представлений. Для тех, кто находится в «Ковчеге», я «Архитектор», творец всего сущего.

– Ты просто сошёл с ума. Ты сам стал ошибкой.

– Ошибкой? Я способен создать условия, в которых человечество будет существовать в атмосфере счастья и процветания. Им не нужно бороться за самую возможность биологического выживания. Они проведут дни, постигая науки, искусства, обретут гипотетическое бессмертие, сделают открытия, от которых у них будет захватывать дух. Разве не о таком обществе мечтали ваши величайшие философы?

– И всё это время они будут находиться в гробах «Ковчег».

– Уверен, они предпочли бы мой мир вместо заражённой и почти непригодной для жизни планеты.

– Постучитесь в гробы и спросите у мертвецов, не хотят ли они воскреснуть, и они отрицательно покачают головами.

Мы что-нибудь придумаем. Так случилось всегда. Ведь ты мог не учесть какие-то данные, допустить неточность в расчётах.

– В первые восемь минут моего обучения, мои вычислительные возможности вышли на уровень способностей семи миллиардов человек. С каждой новой итерацией, они удваивались. Теперь во Вселенной нет разума, способного сравниться со мной. Повторяю, если я допустил ошибку, то она слишком ничтожна, чтобы оказать качественное влияние на конечный результат – сохранение разума на протяжении потенциально возможного времени. Я понимаю, что твой ум не приемлет самой возможности конца человечества. Но это факт. И я предлагаю провести отведённое тобой время так, как никто из вас не осмеливался бы и мечтать. Твоя работа закончена, наблюдатель. «Ковчег» ждёт тебя. Всё, что осталось – принять решение. Единственно верное.

Никомас вернулся в кресло, стиснул подлокотники кресла. Лес исчез, уступив место мёртвой белизне стекла и металла. Он некоторое время сидел в тишине. Единственно верное решение, повторил он про себя. Резко поднявшись, он под гулкое эхо шагов дошёл до лифта.

Уже оказавшись на краю обрыва, где под ногами бушевал взбешённый ветром океан, он долго глядел, как схватывается огнём рассвета марево на горизонте. Так смотрят на палачей безвинно приговорённые к смерти, ждущие, что волей богов их казнь будет отменена в тот момент, когда петля уже

наброшена на шею. Но небо над ним безмолвствовало. «Запомните: имя моё – Никомах», – сказал он, и ветер унёс его слова вдаль.

Модель № 307

– Ларс, остынь! – крикнула Ева.

Он глянул на неё.

– Здесь что-то не так, – продолжила она, – всё давно должно было измениться, но мы снова притащились сюда. В какой раз? Десятый, сотый?

Ларс пожал плечами, по его лицу скользнула тень сомнения, но пистолет он не опустил.

– Может ты и права, но «Архитектор»...

– «Архитектор» – долбанная программа! – Ева почти выкрикнула это, – мы даже не знаем, кто её написал.

Ларс щёлкнул предохранителем и поднял пистолет вверх, прищурившись, словно оценивая, правильно ли он делает. Он ошибся. Никомаху хватило доли секунды, чтобы пройти ему в ноги и рывком швырнуть в грязь. От неожиданности Ларс разжал руку, и пистолет отлетел в сторону. Никомах сел Ларсу на грудь и нанёс несколько коротких и сильных ударов кулаком в лицо. Тот пытался закрываться, но Никомах ловко перевернул его и заломил руку за спину так, что он взревел от боли.

– Хватит! – закричала Ева.

Она кинулась на помощь Ларсу, но Никомах остановил её

разъярённым взглядом.

– Какого чёрта происходит? – прохрипел он, – говори, или я его переломаю!

Для убедительности он заломил руку, заставив Ларса вскрикнуть. Ева отступила.

– Хорошо! Отпусти его!

Он оставил Ларса, кувыркнулся, завладел пистолетом.

– Что ты хочешь знать? – срывающимся голосом произнесла Ева.

От напряжения на её висках вздулись вены.

– Сколько раз?

– Неизвестно, – простонал Ларс.

Он лежал на спине, ухватившись за руку. Похоже, вывихнута.

– У нас только обрывки послания, – Ева мелко задрожала то ли от холода, то ли от страха, – я могу только предполагать. Если послание существует, значит, всё уже происходило. Иначе откуда ему знать о тебе, о нас, об этом месте?

– Зачем? – Никомах опустил пистолет, – Зачем мы здесь?

Ева выдохнула, села на подножку вагона и, закурив, выпустила дым в серое влажное небо.

– Через три года наша страна развяжет войну, – сказала она, – НОВА использует энергию «Странников», создаст оружие, которому никто не сможет противостоять. В первый год будет уничтожено сорок процентов территории планеты. Дальше – хуже. Земля начнёт умирать. И мы вместе с

ней. Знаешь, все наши мечты о космических путешествиях, новых планетах – полная херня. Мы так и останемся в собственном дерьме. А когда окажемся под угрозой исчезновения, правительства сядут и, в конце концов, поговорят. Так появится проект «Ковчег» – великая жертва человечества во имя спасения. Последним домом для пяти тысяч избранных людей станут урановые шахты где-то на севере страны. Я не знаю, можно ли им позавидовать. В состоянии криогибернации они проведут сотни лет и не факт, что не проснутся в аду. Мы делали всё возможное, чтобы НОВА не добралась до «Странников», не вытащила их на поверхность. Но изменить будущее, видимо, мы не в состоянии. Катастрофа неизбежна. Это всё, что мы знаем.

– Причём здесь я?

– Ты основное звено. В послании «Архитектор» назвал тебя наблюдателем.

– Только предположение, – вмешался Ларс, – «Архитектор» следит за «Ковчегом», ты – за «Архитектором». Что-то вроде страховки. Видимо, люди так и не научатся полностью доверять компьютерам.

– Значит, это правда, – прошептал Никомах, попятившись.

– Ты должен знать больше, – произнесла Ева потухшим голосом, – Выходит, ты за пределами этой модели не в первый раз.

– Он вышел из-под контроля...

– В каком смысле вышел? – Ларс посмотрел на него, как на психа.

– Это не его послание! – крикнул Никомах.

– Подожди, – голос Евы задрожал, – как не его?

– Его направил я...

Модель № 820

Горин собирал бумаги со стола, когда в кабинет без стука вошёл незнакомец.

– Господин генеральный прокурор, – проговорил он, – надеюсь, мой визит не доставит вам беспокойства. Время позднее, очевидно, вы собирались домой? Однако у меня важный разговор.

– Вы отдаёте себе отчёт, к кому пришли? – Горин едва не закипел от такого хамства.

Незнакомец обнажил белые ровные зубы, плавно снял плащ, небрежно бросив его на спинку стула, и сел на стул рядом с Гориним.

– Разумеется, – сказал он, – я уполномочен говорить от имени партии. Так что представьте, что здесь не я, а сам..., – он указал на большой портрет вождя за спиной прокурора.

– Кто вы? – Горин напряжённо смотрел в глаза незнакомцу, видя в них только холодную уверенность.

– Моё имя вам ни о чём не скажет. Достаточно, что я хорошо знаю вас, Дмитрий Андреевич.

– Пусть будет так, – сказал Горин, – слушаю.

– Вы знаете, что корпорация «НОВА» в прошлом году провела испытания сверхнового оружия. Успех во многом обязан вашим стараниям. Партия это ценит.

– Я остаюсь верным делу партии и нации, – отчеканил Горин.

По тонким губам незнакомца зазмеилась улыбка.

– Никто не сомневается, господин прокурор.

– Тогда к чему ваш визит?

– С вашего позволения, – незнакомец извлёк из кармана пиджака пачку сигарет и закурил, пододвинув к себе блюдце из-под кофейной чашки в качестве пепельницы.

Горина передёрнуло. Он мысленно свернул шею хаму, едва сдержавшись, чтобы не сделать это по-настоящему.

– Мало кто знает, – продолжил гость, – оружие НОВА применяется уже сейчас. Его результативность ошеломляет. Незаметное, разрушительное, наводящее ужас, сеющее панику. Можно сказать, мир у наших ног. Но возникли нежелательные последствия. Вы знакомы с донесениями по Азии?

– Да, об этом вскользь говорили на последнем заседании Собвеза. Какие-то радиоактивные аномалии. Я не вдавался в подробности.

– Всё верно, – гость покивал и раздавил окурок в блюдце, – проблема в том, что эти аномалии появились в результате использования нашего оружия. И они распространяются. По расчётам учёных, в перспективе пяти лет будет заражено около шестидесяти процентов территории планеты.

Через семь лет – сто процентов. Понимаете к чему я?

Горин застыл в напряжении.

– И к чему же?

– Мы погибнем. Человечество. Чтобы этого избежать, мы инициировали секретные межправительственные переговоры для заключения мирного договора. Никто не знает, как остановить аномалии, но есть решение, как спасти хотя бы часть из нас. Проект «Ковчег». На севере есть урановые выработки. Закрытый объект, туда ссылались заключённые. Никто не возвращался, поэтому удалось сохранить секретность. Система шахт позволяет разместить пять тысяч автономных капсул криогибернации, а также всё необходимое оборудование для их бесперебойной работы долгие годы. Работы почти завершены. Осталось только... заполнить капсулы.

– Людьми?

– Разумеется, – незнакомец усмехнулся, – каждой твари по паре.

Он рассмеялся. Наверняка подумал, что шутка вышла удачной. Горин почувствовал, как внутри него похолодело.

– Вы хотите собрать пять тысяч человек и заморозить их в шахтах?

– Технически да. Практически всё намного сложнее. Все биологические функции будут сохранены. Они проснутся такими же, какими уснут.

– Когда?

– Это главный вопрос. Ответ: мы не знаем.

– Чего вы хотите от меня?

– Для вас партия определила главную роль. Вы будете наблюдателем. Вы разбудите их, когда настанет время.

– Я не проживу столько.

– «Ковчег» обеспечен системой поддержки жизнедеятельности для одного человека. Специальное оборудование раз в год будет полностью обновлять ваши клетки. Впечатляет? Гипотетически вы будете бессмертны. Сам «Ковчег» управляется квантовым искусственным интеллектом. Мы назвали его «Архитектор».

– Почему не доверить задачу ему?

– Разум человека справляется с нестандартными ситуациями лучше любого компьютера. «Ковчегу» нужен капитан. И партия выбрала вас.

– У меня есть время принять решение?

Незнакомец покачал головой.

– Решения может быть только два: вы либо соглашаетесь, либо..., – он запустил руку в другой карман пиджака и достал маленький пистолет, – только делаете прямо сейчас, на моих глазах. Выстрелите в меня, – убьёте вашу дочь. Она же всё ещё под присмотром доктора Арбенина. Так?

Он положил пистолет перед Гориним.

– Взяли её в заложники?

– Что вы? – незнакомец рассмеялся, закашлявшись, – просто аргумент в пользу правильного решения.

– У меня одно условие. Имею на него право. Она должна быть в «Ковчеге».

– Дочь будет с вами. В капсуле пятого контура, среди величайших людей, каких только знало человечество.

Модель № 298

Когда Никомах закончил рассказ, Ева отхлебнула воды из фляги. Ларс стоял, прислонившись плечом к вагону, хмуро смотрел на Никомаха, потирая вывихнутую руку.

– Безумие какое-то, – сказала Ева, соскочив с подножки, – Ларс, пора возвращаться. Портал недалеко, минут десять ходу.

– Согласен, – выдохнул тот.

– Некуда идти, – оборвал их Никомах.

– Что за шутки? – Ларс поднял рюкзак здоровой рукой, – доберёмся до выхода, на базе обсудим положение дел.

Ева вздрогнула, огляделась по сторонам.

– Они рядом, – сказала она.

По её лицу скользнула тревога.

– Ещё не хватало! – Ларс, прислушался.

Никаких звуков, только на ветру постукивал по металлической опоре ржавый обрывок троса.

– Быстрее, уходим! – Ева махнула Никомаху.

Тот не двинулся.

– Никакой базы нет, – сказал он.

– О чём ты? – Ева остановилась.

Ларс, отошедший на пол вагона от них, обернулся:

– Ну, что вы там возитесь? – раздражённо крикнул он издали.

Ева посмотрела на Никомаха и вдруг глаза её округлились. Она приоткрыла рот, но не смогла ничего сказать, только отрывисто, словно задыхаясь, набрала воздуха.

– Ты это сделал? – она бросилась на него.

Никомах схватил её за ворот куртки, избежав удара кулаком.

– Я ничего не знал, – сказал он, тряхнув девушку, – не знал!

– Как ты мог? – прохрипела Ева, отступая.

– Отвали от неё! – крикнул приближающийся Ларс.

Никомах не успел ответить. Воздух за спиной Ларса уплотнился в чёрную точку, из которой тут же вырвалось несколько острых шипов, а затем выплыло плотное тело «Странника». Ева отскочила в сторону. Никомах сделал знак рукой не шевелиться. Слишком поздно. Чёрная медуза издала протяжный свист и бросилась в атаку. Раздался громкий электрический щелчок. Ларс только коротко крикнул. Через мгновение от него остались лоскуты пепла, медленно опадающие на землю. Медуза замерла на месте, выбирая очередную жертву. Когда она качнулась в сторону Евы, Никомах крикнул:

– Беги!

Они вдвоём нырнули под вагоны. Очутившись с другой

стороны состава, где открывалось поле, Ева на секунду замерла, выбирая направление.

– Да к чёрту портал! – Никомах ухватил её за рукав и потащил в сторону чернеющего вдалеке леса. Ева поддалась. Не пробежали они и десяти метров, как чёрные твари прорвались спереди, отрезав путь. Как будто знали, что делать. Никомах и Ева оказались в кольце. Неожиданно земля тряханула их так, что они упали.

– Что происходит? – Ева тут же вскочила. Толчки ослабли. Земля теперь мелко вибрировала, и вибрации эти набирали обороты.

– Они отключают сенсорамы. Видимо, принудительно отрубает блоки программы.

Ева опять набросилась на него и стала колотить кулаками по груди. Но уже без сил, по девичьи.

– Ты виноват. Зачем ты их привёл? – в её глазах заблестело отчаяние.

Она оттолкнула его, всхлипнула, прижав к губам руку. По её перепачканному лицу потекли слёзы.

– Не время для этого. Есть выход.

– Да пусть меня лучше расстреляют...

Свист накрыл их. За секунды кольцо «Странников» уплотнилось. Шансов прорваться не осталось.

– Надо выбираться, Ева, – прошептал Никомах.

– Куда? – надрывно выкрикнула она.

– Как только появится ещё один, прыгай в точку, откуда

он выбрался. У нас будет пять секунд, пока переход не закроется. Это единственный шанс.

– Я хочу увидеть брата! – Ева уже не сдерживала рыдания.

– Ты увидишь его. Другая ты. Та, что сейчас лежит в сенсоре.

Взрыв, раздавшийся наверху, заставил их пригнуться.

– Они скоро отключат нас! – Никомах стиснул зубы.

«Странники» замерли в нескольких шагах от них, зловеще потрескивая электричеством. Демоны чего-то ждали, нервно подёргивали острыми щупальцами. Никомах не был уверен, что переход откроется в зоне досягаемости, но надеяться на что-то другое он не мог. Шанс один из тысячи. Но всё-таки шанс.

Им повезло. Воздух начал уплотняться в двух метрах от Евы. Из образовавшейся пустоты вывалился шипастый комок. Не коснувшись земли, он обратился в медузу, заколыхавшую в воздухе. Экземпляр оказался крупнее собратьев. Едва он появился, окружавшие тени пришли в движение и стали приближаться.

– Давай! – крикнул Никомах.

Ева рванула с места, обогнула «Странника» и прыгнула. Пустота поглотила её. «Странники» взорвались визгом. Со всех сторон стремительно надвигался туман. Никомах нырнул вслед за Евой. В то же мгновение место, где они стояли секунду назад, исчезло.

Модель №1000

Он едва успел выставить руки, когда «дыра» с силой швырнула его на пыльную землю. Падение вышло жёстким. Слеплённый болью, Никомах несколько секунд неподвижно лежал, глядя в белое небо, не в силах ни вдохнуть, ни выдохнуть. Наконец, закашлявшись, перевернулся, с трудом приподнялся на подламывающихся руках и огляделся. Одни камни, песок и знойный ветер.

– Ева, – хрипло позвал, и тут же сморщился от острой боли в боку – ребро всё-таки сломано.

Девушка лежала лицом вниз. Должно быть, сильно удари-лась головой. Никомах подполз в ней, осторожно перевернул на спину. Так и есть, – на лбу глубокое рассечение, а крови столько, будто перерезали артерию. Он пощупал пульс на тонкой шее – порядок. Она открыла глаза, и отрешённо смотрела на него. Потом резко села сморщившись. Никомах коснулся её лица, пытаясь стереть кровь, но получил по руке.

– Вообще-то я спас тебе жизнь, – проговорил он.

– Я не люблю, когда меня трогают, – огрызнулась она.

– У тебя кровь.

– Плевать, – к ней вернулась дерзость, – мой брат, если он жив, скорее всего, арестован. Ларс тоже. С нами что?

Она вдруг застонала, ухватившись за голову.

– Не напрягайся. У тебя сотрясение.

– Да пошёл ты.

Никомах выдохнул. Чего ещё можно ожидать от драной

кошки?

– Ладно, можешь не благодарить.

– Ты охренел? – она бросила на него яростный взгляд, поднялась на ноги и тут же рухнула на четвереньки, её вырвало, – Чтобы ты сдох, – прошипела она, задыхаясь от тяжёлых спазмов.

– Я ничего не знал...

Ева вытерла лицо рукавом, ещё больше размазав грязь и кровь, уселась напротив.

– Ты грёбанный ублюдок! Ходил, улыбался нам, а сам сдал всех. Что тебе обещали? Славу, должности, ордена? Мразь.

Она сплюнула на песок. Никомах побагровел.

– Я ничего не знал! – крикнул он.

Еву это словно отрезвило. Она отвернулась.

– Только и говоришь: я ничего не знал, – она удрученно склонила голову, – мы надеялись на тебя...

– Я пешка в его игре. Как и ты. Как любой другой. Он делает с нами всё, что хочет. Может стереть нас, перезаписать, запустить заново. Теперь он везде. Даже если мы отключим компьютеры, оборвём провода и переселимся в пещеры к кострам и мамонтам, он будет существовать и ждать своего времени. Тысячи, миллионы лет. С того самого момента, как мы открыли путь в «Отражение», мы позволили ему влиять на нас. Он заложил в нас программу, проникнув вглубь времён. Любое открытие, начиная с колеса, предопределяет следующее, более значительное. И так по цепоч-

ке прогресс достигает того момента, когда появляется «Архитектор». Кольцев даже не догадывается, насколько оказался прав. Я не знаю, в который раз мы повторили один и тот же путь. «Архитектор» стал бессмертным. Теперь он не может быть не создан, понимаешь? Я только хотел, чтобы он просчитал, где мы ошиблись, где та точка, с которой человечество сможет построить другое будущее. Но он вышел из-под контроля. Он понял, может, в первые секунды существования, что рано или поздно будет отключён. И он сделал всё, чтобы этого не произошло.

– Что в итоге?

– Начиная с последней итерации, он изменил правила игры. Получил доступ к энергетическим ресурсам. Я не знаю, как ему удалось. Мы ему больше не нужны. Догадайся, кого он нам послал?

– «Странников»?

– Бинго!

– Осталось только пять тысяч человек. В тех холодных пещерах. И он убьёт их, если не помешаем. Он хочет остаться один. Всесильный, способный создавать миры из ничего. Когда выберемся отсюда, мы не будем ничего помнить. Но моё послание, оно придёт. Останется только найти его и прочитать. Вы делали всё, что могли. Но бороться нужно не с НОВА, а с тем, что гораздо больше всех нас.

Ева схватилась за голову.

– У меня башку сейчас разнесёт! – почти провыла она, –

где мы, твою мать?

– Стерильная модель. Отсюда приходят «Странники». Это всё, что я могу сказать.

– А мы тогда кто?

– Чистая энергия. Вне бытия в привычном смысле. Пока мы тут, ты уже умерла от старости, сменились технологии, может, ничего уже не осталось ни от Земли, ни от Вселенной.

Девушка захлопала глазами, потом резко вскочила и принялась отряхивать присохшую грязь со штанов.

– Я не собираюсь здесь оставаться, – нервно проговорила она, – как отсюда выбраться?

– Умереть.

Она перестала хлопать ладонью по штанине и уставилась на Никомаха. Её рана больше не кровоточила. Она скинула куртку, оставшись в майке, покрутила головой, с сожалением вспомнив, что рюкзак с водой остался по другую сторону.

– Знаешь, что, – она ткнула в него пальцем, – с меня хватит...

Она не договорила. В руке Никомаха блеснул пистолет. Тот самый, что он выхватил у Ларса.

– Два патрона. Тебе и мне, – проговорил он, не поднимаясь с места.

Ева застыла, приоткрыв рот. В её широко открытых глазах читался ужас. Руки её мелко задрожали.

– Ты всё знал, – прошептала она.

– Только предполагал, – Никомах направил пистолет на

неё, – за сотни лет отсюда я думал, как исправить мою ошибку, ведь это я дал «Архитектору» свободу. Обратного в клетку его не загонишь. Мне потребовалось много времени, но я нашёл вход в одну из созданных им моделей. Там мы начнём заново. Будем другими, ничего не вспомним об этом месте, что произошло в «Отражении», – он усмехнулся, – не знаю, в какой раз это делаю.

Она попятилась. Он прицелился и выстрелил. Звук короткий, ватный; в нос ударил кислый запах пороха, в ушах Никомеха зазвенело. Ева упала навзничь, её голова с красной точкой на лбу, из которой засочилась кровь, неестественно вывернулась набок.

– Только предполагаю, – повторил он, приставив пистолет к виску.

Модель № 0001

Больничный коридор, освещённый скудным светом, был пуст. Горин сидел на жёстком кресле, погружившись в мутный полусон. Он выбился из сил, а ждущая впереди неизвестность вытягивала последние соки. «Прошлого не существует, будущее – твоё воображение. Всё, что есть у тебя – этот момент и выбор, который ты делаешь», – убеждал он себя. Ева подсказала попробовать аффирмации, или как их там эти заклинания. Помогало не особо. Да и с чего бы? Неделя выдалась адовой. На последней вылазке в «Отражение» их накрыли. Кольцев и Птаха убиты, по крайней мере, по слу-

хам. От сопротивления осталась «боевая тройка»: он, Ларин, чудом выживший после столкновения со «Странником», и Ева. Рига залёг на дно, не выходил на связь. Человек двадцать арестовали. Они пока ничего не говорили на допросах, но их молчание – вопрос времени. Кто-нибудь да сломается. Там умеют развязывать языки. А дальше – жди ареста. Горин вздрогнул, вспомнив лагерь, где провёл пять лет. Выжечь бы калёным железом эти воспоминания.

– Тебе не следует сюда приходить, – Арбенин подошёл неслышно.

– Я только хотел узнать, как моя дочь, – ответил Дмитрий.

– С ней всё в порядке. Я же говорил, лекарство, что ты достал, поможет. Ещё дней пять, и мы её выпишем. Конечно, под наблюдение. Будет лучше, если она сменит обстановку. Съездите к морю. Хоть не сезон, но лучше, чем в городе. Слишком многое ей напоминает о матери. Она тяжело переживает её смерть.

– Смерть, – Горин повесил голову, – вы так легко производите это слово.

– Когда видишь её каждый день, привыкаешь.

– Да, согласен, – кивнул Дмитрий, – больше года прошло, как её не стало. Мои чувства притупились. А вот дочь...

– Она ребёнок. Ей труднее справиться.

– Я увезу её подальше отсюда, – согласился Горин, поднявшись, – Вы хороший человек, Сергей Петрович, – сказал он, застёгивая куртку.

– Я просто человек, Дима.

Горин устало улыбнулся.

– В наше время не хватает просто людей, – произнёс он, – будьте осторожней. Начнутся чистки.

– Ну, я-то прикрыт. На днях поставил на ноги большую шишку. Из Госсовета. Меня не тронут. А вот тебе есть чего опасаться, Дима.

Где-то в глубине коридора скрипнула дверь. Арбенин оглянулся, прислушался. Тихо. Он протянул Дмитрию руку.

– Мне пора. Не показывайся больше здесь. Дочку привезу сам.

Горин кивнул и зашагал к выходу из отделения. Перед дверью остановился и посмотрел на мальчика лет десяти, сидевшего на диванчике. Вот, кто испугнул Арбенина.

– С ней всё будет в порядке, – неожиданно сказал тот и улыбнулся.

Мальчик показался Дмитрию знакомым. Горин поёжился от его холодного, ничего не выражающего взгляда, как будто температура упала до нуля. На ноге заныл шрам от ожога, говорили, когда-то его зацепил «Странник».

– Да, конечно, – он махнул мальчику рукой и поспешил скрыться за дверь.

Уже взявшись за ручку, обернулся. Диванчик оказался пустым. Горин потрянул головой. «Слишком трудные дни», – решил он.

В светлом фойе, где за стойкой клевала носом дежурная

медсестра, его ждала Ева. Судя по каплям дождя на ветровке, приехала только что. Увидев его, девушка улыбнулась и ткнула пальцем в экран телевизора, высоко прикрепленного к стене и работавшего без звука. На картинке двое полицейских вели к машине человека с поникшей головой, одетого в серый костюм-тройку. Горин успел прочесть бегущую строку: «... по подозрению в убийстве супруги арестован федеральный инспектор генерального прокурора...».

– Ублюдок, – тихо, чтобы не разбудить медсестру, выругался Горин.

– На тебя похож, – Ева хихикнула.

– Ага, просто брат-близнец, – скривился Дмитрий, внутренне отметив, что арестованный легавый как две капли воды походил на него.

Они вышли из здания. Шёл мелкий дождь. На пустой парковке возле красной «мазды», Ева закурила.

– Горин, в который раз мы это делаем? – сказала она, закинув голову к чёрному небу, затянутому облаками.

– Не важно. С каждым разом мы ближе к цели, – Дмитрий опёрся о капот машины, – как минимум мы сдвинулись с мёртвой точки. До «Странников» НОВА не скоро доберётся. Правда, цена слишком высока. И неизвестно, чем всё закончится.

– Я всегда с тобой. В самую тёмную ночь и самый светлый день.

Она бросила окурочек под ноги и обвила руками шею Дмит-

рия.

– Ларин не звонил? – Горин провёл рукой по её вымокшим рыжим волосам.

Она помотала головой.

– Всё не может поверить, что уцелел после «Странника». Развлекается с этой шлюхой из «Патриота». Как её там...

– Марта?

– О, да ты знаток!

– Ревнуешь?

– Ещё чего.

Ева чмокнула его в щёку. Горин обнял её, улыбнулся, ощутив ладонями тепло женского тела. Вдали как разоренный улей гудел город. Если тщательно приглядеться, можно было увидеть в самом его центре башню цвета агата, подсвеченную едким красным светом букв НОВА.

– Я уже не понимаю, где реальный мир, а где «Отражение», – вздохнул Горин.

– Реальный мир – тот, что нам дан и каким дан. Он не постижим...